

18+

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Люди,
ради которых
стоит узнать
Россию

Проект журнала «НАЦИЯ»

Андрей Бережной

**Соль земли. Люди, ради
которых стоит узнать Россию**

«Издательские решения»

Бережной А.

Соль земли. Люди, ради которых стоит узнать Россию /
А. Бережной — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518432-0

«Соль земли» — проект журнала «Нация», в рамках которого журналисты издания рассказали истории 50 современников, чьими делами и поступками мы можем гордиться. Журнал «Нация» издается с 2012 года международным холдингом «ЕвроМедиа». Подарочное издание. Не для продажи.

ISBN 978-5-00-518432-0

© Бережной А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Фотограф Сергей Фомин и его удивительная «Россия сверху»	7
«Мы в мировом рейтинге на уровне немцев»: инвалид-колясочник во время пандемии построил фабрику	10
«Актёров Деревянко и Добронравова не трогали, а актёра Ветрова даже взрывали»	15
Когда Россия – другая планета	18
«После взрыва я попал в морг». История человека, который выжил в теракте и сегодня помогает жить другим	22
«Прекрасно отношусь к Башлачеву, Науменко, Летову, но Цой есть Цой»	26
«Идешь по лесополосе и видишь: дачники выбросили кости солдата»	30
«Папа сказал, что его забирают ненадолго, даже зубы вставные не взял. Больше я его не видела»	36
«Приезжайте к нам в марте. Как раз потеплеет до минус 30° С»	40
«Мы просто забыли закрыть калитку, и это стало моментом рождения музея»	44
Как спасали львенка Симбу и другие удивительные истории из практики доктора Даллакяна	47
Истории про телохранителей русских императоров да под соленые огурцы с медом	52
«Я подписал „отказ от жизни“ и отправился в первобытное племя»	57
«Казачи не любят слово «свобода»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Соль земли. Люди, ради которых стоит узнать Россию

Авторы: Бережной Андрей, Кривошеева Виолетта, Ломакина Светлана, Майдельман Ольга, Максимова Екатерина, Максимович Дарья, Сафронова Виктория, Тищенко Яна, Феденко Надежда, Шевцова Анастасия

Ответственный за выпуск Владимир Денисов

Координатор проекта Юлия Дейнеко

Выпускающий редактор Наталья Приходько

Дизайнер Наталья Виноградова

Корректор Наталья Гальченко

© Андрей Бережной, 2021

© Виолетта Кривошеева, 2021

© Светлана Ломакина, 2021

© Ольга Майдельман, 2021

© Екатерина Максимова, 2021

© Дарья Максимович, 2021

© Виктория Сафронова, 2021

© Яна Тищенко, 2021

© Надежда Феденко, 2021

© Анастасия Шевцова, 2021

ISBN 978-5-0051-8432-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

А какие слова стали главными для вас в 2020 году? По мнению «Яндекса», слова года в России – «ауф», «падра» (не спрашивайте, это что-то из нового русского рэпа) и «локдаун». По версии Института русского языка имени Пушкина – «самоизоляция» и «обнуление».

Для нас, команды журнала «Нация», главные слова в 2020-м – «Соль земли». Так называется проект, который мы полгода создавали и публиковали в Сети при поддержке АНО «Институт развития интернета». В рамках проекта мы рассказали истории 50 современников. Это люди разных возрастов и национальностей, мировоззрений и вероисповеданий. Роднит их одно: они живут в России, и их дела и поступки вызывают у нас уважение и восхищение.

Этот проект мы придумали еще до Нового года. Но случилась пандемия – и мир уселся на первый всепланетарный карантин. Мы опешили: придется отложить проект в долгий ящик? Но все-таки дали ему старт. И теперь, как никто другой, мы знаем, чем жила страна в этом году. Россия строила, изобретала, лечила амурских тигров, снимала кино и устраивала стрит-арт-фестивали.

«Соли земли», как я уже сказал, мы отдали полгода жизни. За это время истории наших героев в интернете увидели больше 2 млн человек. Но все-таки в Сети это были разрозненные истории – и мы решили собрать их все под одной обложкой.

Если вам не понравился этот год – таким, каким его показывали в новостях, – вам понравится эта книга.

*С уважением,
главный редактор журнала «Нация» (международный холдинг «ЕвроМедиа»)
Андрей Бережной*

Фотограф Сергей Фомин и его удивительная «Россия сверху» В рамках масштабного проекта к июню 2020 года отснято уже 73 региона страны.

«Когда летаешь, как будто пазл складывается – получаешь общее ясное представление о том, что такое Россия на самом деле. Нам с детства рассказывают, что наша страна огромна и прекрасна, но, когда нет полноценного визуального ряда, слова остаются словами. Пока я не летал, для меня вся Россия существовала в виде контурной карты. Чтобы пазл сложился, нужно было подняться в воздух».

– Все началось больше 15 лет назад. Мне поставили задачу – сделать несколько кадров Казани с вертолета. Мне понравилось, и я предложил заказчику сделать целый проект по Татарстану – календарь или книжку о республике. Но не случилось. Зато я познакомился на аэродроме с бизнесменом, влюбленным в небо – Ясави Тагировичем Хазиповым, он тогда только учился пилотированию. Я поделился с ним идеей отснять всю Россию и получил поддержку. До сих пор сотрудничаем.

Многие люди за эти годы оказались вовлеченными в проект. Например, с группой компаний «Регион» в 2014 году мы выпустили первую книгу, в ней были фотографии 30 регионов России. Страна огромная – всю жизнь можно снимать и не отснять. Тем более что это довольно дорогое удовольствие – арендовать самолет или вертолет для съемок, все организовать.

Москва-Сити

В то время, когда Дмитрий Медведев был президентом, мне удалось получить вертолет для съемок Москвы. Я написал письмо с просьбой оказать содействие, отнес его в приемную

президента. Если коротко – написал: я фотограф, снимаю такой проект, без Москвы нельзя его закончить. Это было где-то в ноябре 2010-го. А потом началось согласование, занявшее 6 месяцев. В результате родился документ 2—3 см в толщину. Были задействованы силовые структуры, Росавиация, авиапредприятия, составлен жесткий график полета: куда можно залетать, а куда – нет. С нами на борту были наблюдатели из органов. И все равно нас то и дело пытались куда-то не пустить. И пилот – очень опытный специалист, который торговался в воздухе за каждый метр, – после 40 минут полета вышел из вертолета весь мокрый.

Но, знаете, хорошо, что это вообще случилось. Таких съемок до сих пор очень мало. Ну, и вообще, чтобы сделать по-настоящему хорошие фотографии столицы, недостаточно пролететь, где и когда тебе разрешат, – надо лететь в нужном месте в нужное время. Чтобы был подходящий свет, хороший ракурс. А над Москвой это сделать практически невозможно. Не знаю ни одного случая, кроме съемок во время военных парадов, когда вертолету разрешали бы залетать внутрь Садового кольца.

Но меня это несильно расстраивает, потому что Россия на Москве не заканчивается. Конечно, хотелось бы снять столицу так, как она того заслуживает, но, понимая, что на согласование остаток жизни уйдет, я не очень на это надеюсь.

А вот сделать портрет страны в рамках моего проекта – это задача, на которую моих сил хватит.

В 2017 году – новая удача: «Газпром» совместно с немцами делал фильм «Полет на Россию», меня пригласили консультантом. Было жутко интересно, и главное, удалось облететь еще множество территорий. Около 1000 часов я налетал с этой группой. За год отснял Камчатку, Кавказ, Центральную Россию. Работали колоссально много, и проект от этого стал намного красивее и интереснее. К тому же условия были очень комфортными: если обычно я за свои или спонсорские средства летаю на легких самолетах, то в этом проекте (по техническим условиям видеосъемки) мы использовали вертолеты.

Когда опытный пилот управляет хорошим вертолетом и делает то, что тебе нужно, – это, наверное, идеальные условия для съемки с воздуха. Мы могли кружить в нескольких метрах от огромного орлана, и он нас не пугался! У меня есть снимки, где можно его глаза рассматривать.

Иногда летели на высоте всего лишь в метр над какой-нибудь речкой. Очень интересно, особенно когда все это на приличной скорости происходит.

В такой работе, конечно, важна физподготовка. Просто представьте себе, что такое съемка с воздуха. Это как если вы катаетесь на карусели и смотрите в бинокль, пытаетесь еще сфокусироваться и выделить какой-то объект. И порой делаете это часами. Даже тренированный организм может не выдержать. Да и все остальные профессиональные требования никуда не деваются. Фотография – это всегда математика. Ты должен видеть композицию, свет, разделять в кадре сюжеты, понимать, как выделить главное, и одновременно управлять пилотами, чтобы нужный тебе сюжет появился, а потом успеть вовремя нажать на кнопку. Это можно сравнить со съемкой спортивных мероприятий: все происходит очень быстро, и у тебя порой есть доля секунды, чтобы успеть сделать нужный кадр.

Сейчас многие начали снимать с высоты. Тем более появились дроны, которые сильно упрощают задачу. Да, они хороши в некоторых случаях, но не всегда.

Квадрокоптер удобен, когда ты целенаправленно снимаешь конкретный объект. Тебе нужно сфотографировать церковь Покрова на Нерли – ты берешь с собой оператора (обычно дроном управляет другой человек) и, потратив какое-то время, делаешь картинку. Но если я пролетаю над Карелией тысячу километров, то могу за один раз сфотографировать множество событий, сюжетов и мест. Чтобы снять то же самое с квадрокоптера, мне нужно с ним жизнь прожить.

Хотя, в общем-то, хорошие снимки можно сделать чем угодно. Георгий Пинхасов делает великолепные фотографии для агентства «Магнум» на айфон. Есть Слава Степанов из Новосибирска, есть Airphoto.ru – замечательные ребята, снимают панорамы 360 и VR-видео, в основном на дроны.

Для каждой цели – свои инструменты.

Чаще всего я летаю на высоте 50—300 метров. Это высота, с которой ты не просто видишь пейзаж, но можешь разглядеть, что люди делают внизу. Можно снимать птиц и рыбаков. А вот если нужно сфотографировать, например, дельту Волги, то поднимаешься вверх на несколько километров. Только так можно показать длину рукавов реки, которые по 60 км. Кстати, над Волгой мы тоже летели среди нескольких стай птиц, где их тысячи! Было страшновато, но они хорошо ориентируются в пространстве, так что обошлось без столкновений.

У меня огромное количество друзей-пилотов по всей стране и миру. Я летал на разных типах самолетов и вертолетов, на воздушных шарах, на парапланах, на мотодельтапланах – на всем, что поднимает человека в воздух. Несколько кадров (возможно, не лучших) я сделал даже с реактивного самолета, когда летел над алмазной трубкой в Якутии. Туда вообще добраться трудно, но эти кадры у меня есть.

К июню 2020 года отснято 73 региона России. Хочется, конечно, облететь уже всю страну и довести проект до какого-то логического завершения. Тем более осталось не так много. Но в нынешних условиях за свои деньги у меня это сделать не получится. Полететь на Курильские острова, например, или на Дальний Восток – для меня, москвича, просто очень дорого.

Проблема полетов в нашей стране связана в основном с тем, что Росавиация и другие госорганы недружелюбно, скажем так, относятся к малой авиации. В России очень сложно и дорого получить лицензию пилота. Хотя стоимость самолета сравнима со стоимостью внедорожника. Если купить частный самолет, то летать на нем было бы проще, и это повлияло бы на развитие внутреннего туризма. Но сейчас, когда в Америке около 300 тысяч частных пилотов, у нас их меньше тысячи, наверное.

С одной дружественной компанией в 2019 году мы смогли сделать отдельный проект по Карелии. Я раза четыре облетел ее всю. Сейчас готовим книгу и выставку по этой республике. Они получаются, без ложной скромности скажу, очень хорошими. Карелия – это какое-то государство в государстве по числу и градусу красот. Но на первом месте в моем личном топе – Камчатка: это самый настоящий рай на земле. Ничто не сравнится по красоте с этим регионом. Еще очень люблю Кавказ. Если его пролететь от плато Лагонаки до Дербента, то можно увидеть сотню разных культур и чудес – и природных, и рукотворных. Башни в Ингушетии, крепость в дагестанском Дербенте... А улетев в сторону Астрахани, увидишь великолепное Каспийское море и степи. В Калмыкии – озеро Маныч с заливами и огромным количеством птиц. А Сибирь! Байкал великолепный!

Когда летаешь, как будто пазл складывается – получаешь общее ясное представление о том, что такое Россия на самом деле.

Нам с детства рассказывают, что наша страна огромна и прекрасна, но, когда нет полноценного визуального ряда, слова остаются словами. Пока я не летал, для меня вся Россия существовала в виде контурной карты. Чтобы пазл сложился, нужно было подняться в воздух.

Многое теперь с бумаги перешло в цифру. Так что результатом проекта могут быть как физические, так и виртуальные выставки, разные интерактивные истории. Можно будет страну показывать в офисах, на мониторах аэропортов или на городских экранах.

Зачем это мне? Я очень люблю летать и снимать. И чувствую, если хотите, долг перед страной и народом – показать людям Родину и поделиться любовью к прекрасной земле.

Автор Виолетта Кривошеева / фото Сергея Фомина

«Мы в мировом рейтинге на уровне немцев»: инвалид-колясочник во время пандемии построил фабрику История человека, который запретил себе унывать.

Калининградец Роман Аранин, пожалуй, самый известный инвалид-колясочник в нашей стране. Советский военный летчик, успешный бизнесмен в новой России, спортсмен-экстремал, в 2004 году он разбился на параплане. Когда очнулся, не мог повернуть даже голову, тело полностью парализовало. Врачи сказали жене: «Ты молодая, еще выйдешь замуж... а он не жилец».

Аранины сохранили семью. Но восстановиться Роману, к сожалению, не удалось. Все, что он может сегодня, – немного повернуть голову, поднять одну руку и, положив ее на джойстик, управлять своей инвалидной коляской. «Своей» – здесь ключевое слово. В 2009-м Аранин с помощью друга-инженера придумал и сделал коляску для себя. Сегодня его компания по производству инвалидных колясок Observer – международный бизнес, который успешно работает на рынках Европы, Бразилии, Новой Зеландии.

Аранин на фоне своего детища – фабрики Observer

Дальше – больше. На коляске же нужно где-то ездить. Аранин сделал «доступной территорией» родной Калининград, открыл несколько специально оборудованных пляжей в своем регионе, а летом 2019 года – еще с десятков по всей России.

В 2019 году в Калининграде началось строительство собственной фабрики Observer (при ней будет еще реабилитационный центр и десять домиков для сопровождаемого проживания колясочников).

В 2015-м, в самом первом интервью журналу «Нация», Аранин убежденно говорил: «У меня есть знания, я вижу, как это реализовано в других странах, вижу все изнутри. Я знаю, что у меня хватит сил сделать это в масштабах России: систему выдачи технических средств реабилитации, безбарьерную среду и многое другое. Мы запустим в Калининграде социально-туристическое такси, чтобы инвалид-колясочник мог сделать тур, который замкнет все наши пляжи, музеи и достопримечательности. И мы точно построим большую красивую фабрику – такую, что все закачаются».

Но вот наступил 2020-й – и случился всемирный карантин, который спутал людям все карты. Что там у Аранина? *(интервью состоялось в июне 2020 года. — «Нация»)*

– Роман, как ваша стройка? Пришлось поставить ее на паузу на время пандемии?

– Нет, мы не останавливались с тех пор, как 26 сентября 2019 года получили разрешение на строительство. Бетонные полы заливали 31 декабря, например. И знаешь, у меня уже новый ритуал появился. Сиделка в шесть утра сажает меня работать, так что к одиннадцати я уже пять часов отработал – и никакой. Но включаю камеру – а там у меня все кипит: на крыше работают, плитку кладут, электричество куда-то тянут. И сразу такой прилив сил! Смотрю направо, в окно квартиры, – там река, смотрю прямо, в камеру, – люди работают. Надо еще камин оборудовать, чтобы на огонь смотреть.

– Еще и обе дочери во время самоизоляции дома оказались.

– Старшая 8 лет живет в Китае, раз в год на неделю обычно приезжала, и все. А тут ее будто Бог вел. За месяц до вспышки коронавируса она уехала из Китая: пригласили в большой проект по газопереработке под Питером, а там же у меня младшая дочь сейчас учится. В марте они приехали домой поздравить маму с днем рождения – и застряли с нами на два месяца. Я совершенно счастлив сейчас.

– И я за вас. Давайте еще про стройку поговорим.

– Давай. Вот мне говорили: «Коммуникации! Фундамент!» А я думал, да чего там делать-то. В жизни никогда ничего не строил, даже гаражика какого-нибудь. А сейчас еще пару специальностей, считай, пришлось приобрести.

Вот пример. Генподрядчик приносит смету – фундамент на котельную, 1 млн 300 тысяч рублей. Открываю смету по нашим домикам для сопровождаемого проживания – там фундамент стоит 350 тысяч. Задаю вопрос: «Ребята, котельная и домик одного размера почти, почему такая разница?». Посчитали лучше. 900 тысяч. «А давайте-ка еще попробуем». Приходит уже убедительное предложение – 450 тысяч. Опять садимся, Борис, мой инженер, смотрит: «А вот тут что?» Подрядчик такой: «Ой, да. Это я ошибся». Бамс! 370 тысяч фундамент! А раньше я бы эти миллион триста просто молча «проглотил».

Сейчас мы уже закрыли контур здания, завели все коммуникации, сделали крышу, поставили все окна, вот-вот установим три здоровенных, очень красивых витража, один из них на балконе, куда я буду из своего офиса выходить. Ставим внутренние стены – это уже приятные хлопоты такие. В 20-х числах июня рассчитываю начать перевозить оборудование.

– Получается, в июле-августе фабрика уже заработает? Сколько колясок будете производить?

– Две с половиной тысячи штук в год, сможем закрывать четверть потребностей российского рынка. И самое главное, мы будем сами делать моторы-редукторы – самую дорогую часть. Сейчас у нас коляски на 60% из российских комплектующих, а будет 80%.

– А есть какой-то мировой рейтинг колясок? Коляски Observer там какое место занимают?

– Если брать подходящие под одно техническое задание складные коляски с электроприводом, то наш «Стандарт» по цене чуть-чуть дороже китайцев, но по качеству на уровне немцев. Немецкая коляска сейчас стоит 180 тысяч рублей, наша – 129 000, китайская – 90 000.

– У вас в фейсбуке вычитала, что все стройматериалы покупаете у местных производителей. Почему такая принципиальность?

– Я рассуждаю так: кризис есть, проблемы с платежами тоже, и если я потрачу на стройку в своем регионе, то эти деньги здесь и останутся. И потом тот, у кого я купил кирпич, придет у меня коляску для бабушки покупать.

– Сколько уже вложили в стройку?

– В здание фабрики – уже 62 миллиона, в домики – около 20 миллионов. В оборудование и комплектующие – еще 20. Получается, перевалили уже за 100 миллионов. Мы сейчас сидим и в ус не дуем, потому что у меня на складе лежат моторы-редукторы на 800 колясок и на 600 колясок – джойстики. Многие сейчас встали просто потому, что встал Китай. А у нас все есть. Спокойно работаем.

– Но как-то же коронавирус, карантин на вас отразились?

– Когда был самый пик коронавируса, мы убрали из офиса продавцов, оставили бухгалтера и офис-менеджера, в сборочном цеху – фрезеровщика и оператора, управляющего роботом-сварщиком. Остальные работали из дома. Одна девочка у меня гастарбайтер, уехала в Латвию продлевать страховку на машину и не смогла выехать обратно – работает из-за границы. Техников-колясочников наших мы «зарядили»: одному привезли по 50 покрышек и камер и другие приспособы для колес, другому – 50 комплектов для подлокотников, они сидели дома и собирали. Сейчас уже все работают, как обычно.

По причине инвалидности я и моя компания оказались более готовыми к этой ситуации, чем другие. Я, например, обычно раза три в неделю бываю в офисе, а в остальное время работаю дома. К тому же у нас принято: если ты приперся с насморком, температурой, тебя в офис не пускают, ты из дому подключаешься к серверу с товароведческой программой и спокойно работаешь.

Я понимаю, что для кого-то это реальная драма: люди два месяца сидят дома, с супругами разводятся или переживают, что не могут в парикмахерскую сходить. Но мне достаточно вспомнить ребят, которые по 5—7 лет вообще никуда не выходят и не воют, свыклись с этим. Все очень относительно. Ну а мне точно было не до истерик и уныния: на мне три стройки – мы, кроме фабрики и домиков, еще и небольшой демонстрационный зал построили в центре Калининграда.

Да, а еще мы всю начинаем проект по трудоустройству инвалидов. Теперь не к себе берем, а создали базу данных, взяли человека в штат, который будет работать с потенциальными работодателями. Знаешь, я где-то в душе надеюсь, что люди, прочувствовав, каково это – потерять работу хотя бы на два месяца – с большим пониманием будут относиться, когда мы к ним будем стучаться и подсовывать инвалидов. Ну, и про реабилитационный центр не забывай. У меня появилась идея реабилитировать не только наших, но и немцев. Потому что для них и цена будет очень хорошая, и таких условий, где тебе и ноги погнут, и массаж сделают, а потом еще научат какой-то реальной профессии, нет больше нигде.

– А каким профессиям вы сможете научить инвалидов?

– Офис-менеджер, менеджер по продажам, токарь, фрезеровщик на станках ЧПУ. Это как минимум.

– Роман, я знаю, что Калининград благодаря вам сильно изменился. Не стало высоких бордюров, например. Что еще удалось сделать?

– Я несколько лет был членом Общественного совета при главе города и начинал как раз с бордюров. Потом мы этим занялись уже как общественная организация инвалидов-колясочников «Ковчег». И вот, спустя 15 лет с момента моей травмы, я могу ехать по центру Калинин-

града, как в какой-нибудь Барселоне. Просто мы этим системно занимались. Сдается в городе улица после реконструкции – мы обязательно выезжали на приемку. И через 3—4 года дорожники привыкли, что их точно будут проверять. А мы прямо с собой тащили коляску: «Ну, давайте, попробуйте сами. Мы вам сейчас руки сзади коляски привяжем, чтобы вы не могли опираться, а вас кто-то будет толкать, и вы нырнете носом вперед». И в следующий раз ты приезжаешь, а уже все переделано как надо.

Параллельно на деньги федеральной программы «Доступная среда» мы сделали в Калининграде полностью доступными Музей янтаря, Музей Мирового океана, в Светлогорске – Театр эстрады, где музыкальный фестиваль КВН проходит. Поставили лесенку-трансформер в калининградском драматическом театре. Раньше там с риском для жизни по ступеням надо было подниматься, а сейчас нажимаешь на кнопку – лестница красиво-элегантно превращается в платформу.

С 2019 года мы поставили себе задачу не допускать в городе введения в эксплуатацию новых зданий, не приспособленных под нужды инвалидов-колясочников. И все застройщики уже знают, что их будут проверять, что проще в проекте эти шесть ступенек до лифта стереть и сделать нормальный вход. Пустые отговорки типа «а у нас тут не планируются инвалиды-колясочники» не принимаются, потому что есть железный контраргумент: хорошо, вы сами будете жить в этом доме до 100 лет и потом сломаете себе шейку бедра. Вам надо будет попасть в ванную, а у вас дверной проем – 60 сантиметров. Переделываем.

– Ваши контраргументы, насколько я понимаю, носят рекомендательный характер. Почему все-таки с вами, общественниками, считаются?

– Наверное, потому что у нас есть уже какой-то вес и авторитет. Калининград – город небольшой, и всех людей, которые делают здесь погоду, я уже знаю лично. Поэтому мне несложно до них достучаться. Иногда приходится делать ход конем. Однажды мне нужно было на наш пляж в Зеленоградске. И одновременно туда же был вызов нашего социального такси. Я попросил разрешения присоединиться – люди были не против. И вот красивая женщина закатывает в машину парня, который кроме того, что в коляске, еще и слепой. А кроме того, что слепой, у него еще и мозжечок поврежден, и его постоянно вращает. То есть он сидит в коляске, а его вращает. Я, как обычно, начал подбадривать, расспрашивать – выяснилось, что это бывший владелец сети модных обувных магазинов. И он мне говорит: «Я знаю, почему оказался в этом положении. За месяц до того, как со мной случился удар, я дал на лапу, чтобы чиновники закрыли глаза на отсутствие пандусов в новом здании, которое я вводил в эксплуатацию». Ну, и представь себе: мэр города собирает всех местных застройщиков, а я им рассказываю эту страшилку. Мол, все мы под Богом ходим. Все они попереглядывались, и, я думаю, сделали выводы.

– Есть какой-то рейтинг доступности российских городов для инвалидов?

– У Минтруда есть такой рейтинг, есть даже сайт какой-то, но это все не работает. Мне недавно товарищ из Пскова рассказал, что такая опция появилась у Google. То есть ты можешь на карте любой объект отметить, доступен он или нет. Но я пока не разобрался, возможно, в российских картах Google это еще не работает. У нас локальных ресурсов целая куча, но тут, определенно, нужен другой масштаб. Мы, может быть, постучимся в «Яндекс» с этим вопросом. Это была бы хорошая тема для них.

– Я знаю, что Калининградская область – лидер по количеству доступных пляжей в России.

– Мы действительно единственный регион в России, где работает сразу шесть доступных пляжей: пять морских, и еще один мы в 2019 году открыли на озерах, практически в городе. В Калининградской области всего около 2 тысяч человек имеют проблемы с мобильностью, но мы уже давно не ориентируемся только на регион. Если первые пару лет 80% посетителей

пляжей были наши, то сейчас 80% – это приезжие из других регионов России, а еще из Латвии, Литвы, Польши и так далее. Многие приезжают именно потому, что есть пляжи для них.

В Зеленоградске в 2014 году был всего один отель с одним приспособленным для инвалидов номером. Сейчас там таких отелей не меньше 10, а владелец того первого отеля открыл еще один, где все 24 номера могут принять колясочников. Идея о том, что именно пляжи станут точкой роста для социального туризма, сработала на все сто.

– Сколько человек посещает доступные пляжи, вы ведете статистику?

– В Зеленоградске летом 2019 года был рекорд – 400 человек за сезон. Это только колясочники, плюс с каждым же еще 1—2 сопровождающих. То есть больше 1000 отдыхающих на одном только пляже. В Янтарном у нас два пляжа, там еще больше – по 600 колясочников за лето.

– Роман, из-за всемирного карантина кто-то потерял работу, кто-то развелся. Знаете, как модно сейчас говорить: «Мир уже не будет прежним». Дайте совет человечеству – как не опустить руки в кризис.

– Мы недавно взяли в штат психолога, и это она подкинула такую идею. Надо предлагать людям поволонтерить. Когда у тебя все плохо, и денег нет, и еще пальчик на ноге болит, надо обратиться в любую инвалидную организацию и предложить свою помощь. Например, вытаскивать человека, который, может быть, год сидит в четырех стенах, и просто погулять с ним. Рядом с домом или докатить его до реки. А потом покормить его с ложечки, если он шейник и сам не может. И, вот поверьте, у вас все сразу образуется.

Автор Дарья Максимович / фото из архива героя

«Актеров Деревянко и Добронравова не трогали, а актера Ветрова даже взрывали» Знакомьтесь: уличный художник, тезка и земляк Чехова.

Всем хорош Таганрог – милый, спокойный город, где остались красивые старинные дома и еще не высохло море. Даже время там, кажется, идет медленнее – с важностью человека, достающего часы из жилетного кармана. И вдруг – получите! Яркое пятно в два этажа высотой, из которого складывается знакомая фигура Антон Палыч Чехова. Кто сделал? Тезка писателя, из местных. Зовут автора Антон Тимченко.

За три последних года Антону удивительным образом удалось примирить яркий пиксельный стрит-арт и хмурое отношение обывателей к рисованию на стенах.

«Началось с того, что я нарисовал Раневскую. Просто хотел закрасить рекламу наркотиков на стене, мимо которой часто ходил, – рассказывает Антон. – Это и был мой первый рисунок. Ни с кем не договаривался. Просто взял и сделал. Не понравилось бы – закрасил бы за свой счет. Но людям понравилось. Оценили, признали. Поэтому и продолжаю рисовать».

Антон Тимченко на фоне своей Екатерины Великой

Тимченко – самоучка. Рисовать он начал только три года назад. Его профессия – специалист по защите информации, закончил «радик», местный радиотехнический институт. Но еще студентом понял, что к антихакерству душа как-то не лежит. «Я на третьем курсе уже начал работать сам на себя – занялся воздушными шарами, и уже не хотелось идти работать внаем.

Я решил продолжать свое дело... Кстати, стена, на которой я первый рисунок сделал, рядом с моей работой была».

Дебют не сохранился – портрет Фаины Георгиевны с ее цитатой «Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать» заслонили другой стеной. Но возникла другая Раневская, в другом районе и с более изощренной фразой: «Все сбудется, стоит только расхотеть». И прямо скажем, настенный портрет великой актрисы вышел весьма современным поп-арт-овым ответом местному памятнику из металла.

Но не только Раневской жив Таганрог. Поэтому на стене Старого вокзала у площади Восстания скоро появилась царственная фигура Екатерины II, на многоэтажке на улице Дзержинского – канонический Чехов в кресле. А затем Антон, как писали местные СМИ, «замахнулся на Александра Лакиера», жившего в Таганроге в XIX веке русского историка, первого классификатора русской геральдики – довольно известного, но хорошо забытого. Чтобы вспомнили.

Фишка его стрит-арта в том, что вблизи рисунок кажется размытым и только на расстоянии складывается в единое целое. «Да нигде я не подсмотрел эту технику, – Антон немного сердится. – Просто первая стена была кирпичная, и я подумал, что можно нарисовать пикселями. Кирпичи сами „подказали“. Это не граффити, граффити рисуют баллончиками, а я рисую краскопультом, кисточками, аэрографом. От идеи до воплощения уходит около месяца. Рисую в основном за свой счет, но иногда люди помогают деньгами на материалы, скидывают донаты. Это поддерживает. А прибыли никакой от стрит-арта у меня нет».

Кстати, краска на такие портреты уходит буквально ведрами. Десятилитровыми. Если учесть, что квадратный метр обходится в 300—400 рублей, а масштабы рисунков – 20—250 кв. метров, слово «бескорыстно» приобретает особый размах.

От великих исторических персонажей Антон перешел к известным современникам, но тоже землякам – актерам. Это народные и заслуженные Федор Добронравов, Павел Деревянко, Владислав Ветров.

«Он делает Таганрог ярче», – радуются все наши без исключения коллеги, от правительственной «Российской газеты» до развлекательного «Пикабу». «И обязательно было испортить этим муралом здание с исторической ценностью!» – надрываются хейтеры в комментариях.

Больше всего эмоций вызвал портрет актера Влада Ветрова в образе Сергея Тимирева из фильма «Адмиралъ» на стенке бывшего детсада в центре города (пер. Спартаковский). К миротворческой цитате «Все, что нам нужно, – это сочувствие и терпение» некто несогласный приписал черным по зеленому: «Сочувствие – чудилам, терпение – терпилам».

Художник не расстроился – ликвидировал каракули. Но дальше – больше.

«Четыре раза я этот портрет восстанавливал, – вспоминает Антон. – В итоге кто-то решил эту стену взорвать. Заложил самодельное взрывное устройство. Рвануло. Приехала полиция, пожарные, посреди ночи все это было. До сих пор там остался след – углубление в земле от взрыва. Но стена стоит».

К хейтерам Антон относится философски: «Это всегда так. В соцсетях, везде. Чем бы ты ни занимался, что бы ни рисовал, обязательно кто-нибудь подойдет и скажет, что он против».

Актеры, кстати, совсем не против. Ветров поделился своим портретом в фейсбуке. Павел Деревянко радостно запостил пиксельного себя в инстаграме, собрав тыщи лайков. На рисунке он вместе с легендой Таганрога – Сергеем Бурлаковым, спортсменом с четырехкратной ампутацией (обе руки и обе ноги), которого восхищенные иностранные журналисты прозвали «Человек планеты».

У художника на очереди два знаменитых сочинителя песен: поэт Михаил Танич («Черный кот», «Комарово», «На дальней станции сойду», «Ходит песенка по кругу», «Белый лебедь на пруду» и многое-многое другое) и рокер Рома Зверь, признанный даже Каннами (получил приз Каннского кинофестиваля за саундтрек к фильму Кирилла Серебренникова «Лето».)

А скоро свою стену в Таганроге обретет и «голос поколения» – блогер-журналист Юрий Дудь. «Дудь недоделанный пока (*интервью состоялось в июне 2020 года. — „Нация“*). Он не из серии портретов таганрожцев. Это мой личный выбор. Сам портрет уже нарисован, на стене на улице Шевченко, но в целом работа не доделана. И я пока выбираю цитату».

Стрит-арт, зрителем которого может стать любой прохожий, в Москве, Петербурге и некоторых миллионниках уже захватил десятки улиц и переулков и даже дорос до своего всероссийского фестиваля в Тюмени – «Морфология улиц». Но Таганрог – маленький, бескорыстных творцов здесь просто меньше на квадратный километр.

Однако очень может быть, что пиксельный стрит-арт Антона Тимченко станет отправной точкой целого движения и одной из десяти причин, зачем туристу нужно ехать в Таганрог. Антон, которого хочется назвать несовременным словом «энтузиаст», в свой город по-настоящему влюблен.

«У Таганрога очень богатая история, – рассказывает он. – Здесь жили люди, которые сильно развивали культуру в свое время. Дух этот остался. Здесь очень красивая, на мой взгляд, ценная архитектура. Здесь хорошая атмосфера, климат, воздух. Что еще? Люди приятные. Театр, прогулки, море, набережная – это все прекрасно и замечательно, и всем этим мне очень нравится Таганрог.

А стрит-арт – это часть культуры, а она нужна любому человеку, где бы он ни жил. Люди к этому тянутся. Это просто отдельный вид искусства, который относительно недавно появился и активно развивается. Как и всякое искусство, стрит-арт неоднозначен и не всем нравится, и не всем полезен. Но он заставляет смотреть на мир другими глазами, видеть что-то новое, пытаться понять. Абсолютно то же самое можно сказать про любые работы в любом музее мира. Так уж нужны они людям? Мне кажется, очень нужны».

Автор Ольга Майдельман / фото Антона Бакарюка

Когда Россия – другая планета Говорит и показывает фотограф Алексей Голубцов.

Наш герой жил и работал в Германии, в обеих российских столицах, но как фотограф стал известен, снимая дремучую первозданную Россию. Такие ее медвежьи углы, о которых – мы готовы спорить на что угодно – вы даже не слышали.

ПАРУ СЛОВ О СЕБЕ

– Некоторые люди называют меня фотографом. Я бы себя так не назвал. Это все равно что сказать: я писатель. Если при этом не смеешься в голос, выглядишь немного подозрительно. Просто писатель у нас Лев Толстой.

У отца была старая «Смена», и я фотографировал. Все подряд. Вообще было не важно, что снимать, главное – сам процесс. Помню, снимал даже то, что показывали по телевизору. За бестолковый расход пленки меня не ругали.

Последние 20 лет я живу в столице. Но родился и вырос в Кургане. Что за город? Хороший, декабристов туда ссылали. Столица Зауралья. Вроде не очень и далеко от Москвы – две тысячи километров, два часа на самолете. Но все время какая-то незадача, благодать его обходит стороной: не останавливается транссибирский экспресс, федеральные автомобильные трассы, и те идут мимо. В общем, «черт дернул с умом и талантом родиться в Кургане» – можем немножко перефразировать Пушкина. Очень там трудно и муторно пытаться себя реализовать. Я работал фотокорреспондентом в газете «Курган и курганцы», так что знаю, о чем говорю.

Зауралье – это лесостепь, самый что ни на есть русский ландшафт. Широкая пограничная полоса между скифами, тюрками и финно-уграми. Этот ландшафт сформировал меня, так что в принципе я могу долго находиться в горах или в пустыне, но лучше всего себя чувствую там, где проходит граница степи и леса.

Тундра, полуостров Канин, Ненецкий автономный округ, 2005 год

ГДЕ РОССИЯ – НАСТОЯЩАЯ ЕВРОПА?

– А нет ее в России, мне кажется. Петербургу всего 300 лет. И потом – это исключение, которое подтверждает правило.

История, которая могла произойти только в Питере? Не знаю, историй много, но они скорее про мою студенческую молодость, чем про Петербург. Семь замечательных лет я прожил в этом городе. Некоторые истории – это встречи с выдающимися современниками. Концентрация русской интеллигенции в Питере, безусловно, выше, чем где бы то ни было в России.

Для меня Питер – это больше свет июньской ночи, сырой ветер, звуки трамвая, отражения в воде, чем воспоминания о конкретных происшествиях.

Если говорить о Европе широко, как о западном образе жизни – последние несколько сотен лет что лежит в его основе? Наверное, деньги. Тогда самый европейский русский город сегодня – это Москва. Отношения между людьми здесь строятся с прицелом на выгоду: знакомство тогда приятно, когда оно полезно. Модель западного утилитарного подхода к человеку характерна и для других наших крупных городов, но в Москве особенно бросается в глаза.

ГДЕ РОССИЯ – АЗИЯ?

– Да тоже нигде. Для меня Азия – это Китай, жесткий до жестокости. Россия – между Европой и Азией, ее особенность в этом «между». Но если и тут смотреть шире, то, пожалуй, российская Азия там, где иная, нежели православие, религиозная культура, например буддизм. Религия, философия жизни, картина мира – там все другое, и, в принципе, это можно назвать Азией.

Я ездил к сойотам, это 400 км западней Байкала, Окинский район Бурятии, на границе с Монголией. Небольшой этнос с почти утраченным языком. На туристов там производят впечатление буддийские дацаны и потухшие вулканы. Но я больше всего запомнил кладбище в улусе Сорок. Свежую могилу ребенка. Хотя это и не могила в нашем понимании. Традиционное сойотское захоронение – это когда покойника, завернутого в саван, подвешивают на дерево. И вот на дереве висит маленькая люлька, качается на веревках. Как-то меня сильно пробило, и хорошей фотографии у меня тогда не получилось. Нам трудно постигнуть само это мировосприятие: вот дерево с корнями, уходящими вглубь, и ветвями, устремленными вверх, и вот человек на этом дереве. Почему? Как будто другая планета, Луна какая-то.

Но там и, правда, возникает уверенность, что мы будем жить еще не раз; что все, что ты делаешь, – это плюс или минус к твоей карме. Переродишься ты в божью коровку или в камень – зависит от тебя, от твоих поступков. Это чувствуется в их повседневной жизни. Пока я там находился, ни разу не ощутил себя чужим среди них. А я чужой – приехал, вторгся в их жизнь и сплю теперь на их постели, хожу за ними везде и фотографирую. Но никакого негатива, и, мне кажется, мысль их примерно такая: надо его терпеть, это такое испытание, если справимся – плюс к нашей карме. Но, может, это только моя интерпретация...

ГДЕ СЕРДЦЕ РОССИИ, ГДЕ ЖИВУТ САМЫЕ НАСТОЯЩИЕ РУССКИЕ?

– Не в каком-то конкретном регионе. Они по всей России живут в таких населенных пунктах, которые мы называем «малые города». Не важно где, на Сахалине или в Подмосковье. Там соль русских. Города с населением 5—10 тысяч человек.

Я недавно был в Рязанской области, в городе Касимове, я и не слышал о нем раньше. Населения там около 30 тысяч, но он нам подходит. Это город с историей, он был основан как город, это не разросшаяся деревня. В то же время он слит с окружающим ландшафтом, с рекой Окой. Большой рынок по выходным дням, где и привезенный товар, и продукты местных фермеров. Ты слышишь колокольный звон, находясь в любом конце города. А главное – ощущение течения времени: когда интенсивность событий, составляющих жизнь города, не опережает скорость осмысления их горожанами. Москвичам кажется, что такие люди –

заторможенные немножко. Нет, просто именно так выглядит естественная реакция человеческого мозга на события: когда ты успеваешь все происходящее осмыслить, разложить по полочкам и к каждому событию и явлению подобрать свое отношение и свою интерпретацию.

Мой интерес последних лет – Русский Север, Архангельская область. Так что сейчас мне кажется, что русский дух веет именно там. Река Пинега – я прошел ее всю от истока до устья. Потом к Пинеге присоединил еще соседнюю реку Мезень. Сейчас как раз заканчиваю там работать и приглядываюсь к Печоре.

ГДЕ ЖЕЛУДОК РОССИИ, ГДЕ ВКУСНЕЕ ВСЕГО

– Так и не скажешь. Ясно только, что в России домашняя еда вкуснее, чем в общепите. А дальше – дело вкуса. Когда я кочевал с ненцами по тундре, ел все то же, что и они. То есть много сырого, еще теплого мяса и ненецкий шашлык (лишь минуту, лишь слегка поджаренная прямо на буржуйке печень оленя). Вот только свежую оленью кровь я не смог пить с ними наравне. Пробовал – теплая, сладкая. И вкусная, наверное, просто не мое. Психологически как-то не очень. У меня друг живет в Мьянме, вот тоже никак не может заставить себя есть жареных кузнечиков, не получается.

ГДЕ В РОССИИ ЛЕГКО ПОТЕРЯТЬСЯ

– Потеряться? До появления GPS это можно было сделать в России везде. Вообще не важно, в тайге ты или в незнакомом городе-миллионнике. Навигация – наша слабая сторона. Где вы в России видели удобные указатели? А эти маршрутки – 457 В, 358 Г или еще как-нибудь – у которых маршрут один и тот же, но номера почему-то разные.

А вот бескрайность пространства и ощущение собственной малости приходит, когда стоишь один на мысе Канин Нос. Стоишь, а перед тобой – Ледовитый океан.

САМАЯ ПАМЯТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО РОССИИ

– Снимал я в поселке Шойна на полуострове Канин, за полярным кругом, в песчаной пустыне, захватившей несколько десятков километров вдоль берега Белого моря. Пески там начали наступать на поселок, когда рыбаки тралами уничтожили растительный покров на морском дне. Теперь море выносит песок тысячами тонн, а ветер разносит его по тундре.

И вот – уже по возвращении из Шойны – меня в пути перехватил знакомый вертолетчик, он совершал санитарный рейс из Нарьян-Мара в Канинскую тундру, в бригаду оленеводов. Доктор летел на вызов. И я пересел из рейсового «кукурузника» в санитарный Ми-8. Прилетели. Оказалось, ранен ненецкий мальчик: рыболовный крючок вонзился в лицо, рядом с глазом вошел. Доктор возился с крючком, а я впервые увидел оленеводов и их чумы. Я был потрясен увиденным настолько, что целый год мои мысли только и были заняты тем, что нужно найти возможность вернуться в тундру. И через год я приехал на полуостров Канин для съемки. Фотографии те были опубликованы не одним десятком журналов, а позже легли в основу моей книги «Письма Гриши».

С мальчиком как? Все нормально. Ненецкие дети повыносливее наших. Он не плакал, когда доктор резал скальпелем, но, когда его посадили в вертолет, чтобы отвезти в больницу в Нарьян-Мар, мальчишку прорвало.

ЧТО ИЗ РУССКИХ ПРИВЫЧЕК, ТРАДИЦИЙ, ОБЫЧАЕВ ТРУДНЕЕ ВСЕГО ПОНЯТЬ ИНОСТРАНЦУ?

– Я говорил об этом со своими друзьями немцами. Оказалось, то, что им трудно понять, трудно понять и мне самому. Много в нас я и сам не могу объяснить. В русском менталитете соединились, с одной стороны, удивительные черты, которые помогают нам жить, а с другой – те, что тянут Россию назад.

Например, если человек становится тебе другом, то это крепкое чувство, часто через всю жизнь.

Далее – нам свойственен коллективизм, мы можем самопроизвольно, быстро, без лишних демократических процедур объединяться для решения жизненно важных общих задач. И это будет коллектив, в котором все будут готовы слушать лидера. Западным индивидуалистам такое плохо понятно и порой даже неприятно.

И третье – что неважно уживается с предыдущим, но присутствует в нас в избытке – неуважение к другому человеку, вообще низкая оценка чужой жизни. Все время в голове мысль «да кто он такой, чтобы...». Не важно, твой сосед это или начальник, или просто контролер в электричке. Для нас есть только своя правда. И это особенно странно: кому же, как не нам, быть милосердными друг к другу, относиться к жизни как в высшей ценности – когда вспомнишь, через что прошла Россия в XX веке?! Куда там!..

ЗАЧЕМ СЮДА ЕХАТЬ ИНТУРИСТУ? ЧТО ОН МОЖЕТ НАЙТИ В РОССИИ ТАКОГО, ЧЕГО НИГДЕ БОЛЬШЕ НЕТ?

– Например, в Европе практически не осталось больших диких, заповедных мест. У нас пока есть. Как мы ни палим иркутские и красноярские леса, лет на сто еще хватит. Потом Россия – уникальная возможность получить «все в одном флаконе»: огромное количество этносов, культурное, климатическое и ландшафтное разнообразие невиданное! Еще у нас сохранилось деревянное зодчество Севера. Архитектура без единого гвоздя, совершенные творения человеческого гения и в эстетическом, и в инженерном смысле.

Да, а еще же у нас есть поезда дальнего следования с плацкартными вагонами! Ну где такое возьмешь в целом мире? Можно проехать через всю Россию и увидеть ее из окна поезда. А как хорошо узнаешь людей в плацкарте...

Автор Екатерина Максимова / фото Алексея Голубцова

«После взрыва я попал в морг». История человека, который выжил в теракте и сегодня помогает жить другим Знакомьтесь: Михаил Шубин, еще один герой проекта «Соль земли».

Помните страшный теракт на железнодорожном вокзале в Волгограде 29 декабря 2013 года? Тогда террористка-смертница забрала с собой жизни 18 человек, еще 45 были тяжело ранены. Рядом с шахидкой оказался и житель поселка Зимовники Ростовской области Михаил Шубин. Он попросту не мог там выжить. Попал в официально озвученный список погибших... Но Михаил жив – чудом, всем смертям назло (как еще о таком говорят?), и сейчас я разговариваю с ним.

О ТЕРАКТЕ И ВТОРОМ ДНЕ РОЖДЕНИЯ

– Я оказался в Волгограде по делам нашей с братом фирмы, мы тогда занимались поставкой продуктов питания в школы и детсады. Застрял там на разгрузке нашей фуры. Брат все время отправлял мне сообщения, на чем можно уехать – не хотелось отмечать в Волгограде Новый год, я хотел домой. Заночевал в хостеле при вокзале, на утренний автобус до Ростова опоздал. Пошел на поезд. Возле вокзала сидел бездомный, я отдал ему то, что у меня осталось от завтрака, он тянул меня за руку, благодарил, хотел поговорить о чем-то. Вот если бы я стал его слушать и хоть на пять минут задержался, я бы в это пекло не попал.

Михаил Шубин с Максом

Неужели это судьба была? Я до сих пор не понял. И еще про крест непонятно. На мне в тот день был нательный крестик, он принадлежал брату моей жены. Его уже не было в живых. Он меня затянул туда, этот крест? Или спас? Я не знаю.

Когда спасатели меня вытащили, у меня была дырка на полживота, перелом основания черепа, куча осколков в теле, разорвано лицо. Меня сразу оттащили в морг.

...Работник морга увидел, что у меня дернулась нога. Повезли на операцию. Никаких шансов не давали. Сначала сказали, что проживу три дня. Потом – неделю. Потом сказали, что даже если выживу, то разговаривать, ходить больше никогда не смогу. В правом полушарии была обширная гематома. До 15 января я был в коме. Хотели делать трепанацию, но в последний момент решили ввести какой-то препарат. Попробовать. Может, поможет. Помогло. Через неделю гематома исчезла. А если бы сделали трепанацию, может, я бы сейчас с вами и не разговаривал, а крутил бы дули воробьям по воскресеньям.

Каждый год 15 января я звоню врачам в Москву, благодарю за то, что дали второй шанс.

О МАКСЕ, ЛУЧШЕМ ДРУГЕ

– Есть 181-й федеральный закон, который гласит, что человек с собакой-поводырем вхож везде: в медицинские учреждения, общественный транспорт, кафе. Везде. Но не все этот закон знают и соблюдают. Даже в общественном транспорте мне говорят: «Куда вы лезете?» Чтобы добраться из своих Зимовников в Ростов, я сначала на маршрутке доезжаю до Волгодонска, а потом уже сажусь до Ростова. Чаще всего проблемы возникают на отрезке между Зимовниками и Волгодонском.

– С чем это связано?

– Это связано с людьми. На собаке шлейка с надписью «собака-поводырь», у меня в руках трость, на глазах темные очки – трудно не понять, что я незрячий, правда? И тем не менее. Я поначалу сдерживаюсь, но потом взрываюсь, как вулкан. Сел недавно в автобус, и женщина одна начала кричать, что, если я не выйду, она никуда не поедет. Потом заголосила, что Макс (*по паспорту Максимус Мен. – «Нация»*) без намордника. А намордник у меня в кармане лежит, но я его никогда не надеваю, потому что если вдруг из рук выпали ключи или трость, собака подаст мне их в руки. А в наморднике как? Я тогда, конечно, очень грубо ответил ей – не надо так было.

– Что вы ей сказали?

– Если моя собака вас укусит, я дам вам пять тысяч рублей. Если не укусит, я дам вам пендель.

– Ох!

– Но собаки-поводыри никого не кусают! Они изначально не агрессивные. Если ей на хвост наступить, она даже не рыкнет. Никогда не кинется, не укусит. Она не реагирует на кошек и других собак, на резкие шумы. Не грызет тапочки, провода, не гадит в доме.

Многие незрячие просто все время сидят дома. Но если человек работает, я не понимаю, как он передвигается. Я не представляю себя без собаки. После того как у меня появился Макс, у меня не стало ограничений. Я могу сходить в магазин, в аптеку, на рынок, в два парка, спокойно дойти до работы, я сына в младших классах водил в школу. У меня нет проблем.

Из соседней комнаты кричит жена Михаила:

– А кто маршрут собаке ставил, а?

Михаил смеется:

– Да-да, мы с женой вместе маршрут ставили. Она помогала.

– Как это происходит? Вы говорите: «Макс, идем в аптеку?»

– Да, он знает слово «аптека». Я говорю: «Пошли в аптеку» или «маршрут — аптека». Но незрячий должен хорошо сам изучить маршрут. Потому что вы с собакой доходите до перекрестка, и там появляются варианты: направо – рынок, налево – аптека, прямо – магазин.

И собака может повернуть и пойти на рынок, например. Именно этот момент на перекрестке должен контролировать сам незрячий. А потом, когда собака уже четко вышла на маршрут, она будет идти по выверенным точкам. Точка – это место, где собака будет останавливаться: бордюр, труба, столб – что-то, что не двигается. Если ничего такого нет, а тебе надо, чтобы она в этом месте остановилась, ты тростью проводишь перед собакой черту, даешь лакомство. Теперь она будет останавливаться там всегда, чтобы получить вкусняшку. Причем собака-поводырь обучена реагировать и на препятствия сверху и по ширине. Была у нас на маршруте ветка ореха, о которую я постоянно бился лбом. Потом ее наконец спилили, но Макс там все равно останавливается.

– Как получить собаку-поводыря?

– В России всего две школы, где их готовят. Обе в Москве. За собакой незрячий едет сам. Сначала пишешь заявление, можно по электронке, но мы этого не знали, поэтому поехали прямо в Москву подавать, всей семьей. Потом нужно ждать, обычно от полугода до года. Наконец тебе звонят: приезжайте за собакой. Две недели идет обучение, собака привыкает, дальше подписываешь договор – и все, забираешь ее домой. Я тогда не знал, что в эти две недели государство может оплатить тебе питание и проживание. Платил за все сам.

Спустя два года, как я Макса получил, мне позвонили из ФСС и сказали, что можно получить компенсацию. 24 тысячи рублей в год, одновременно. Многие незрячие говорят, что этого маловато. Но это смотря каким кормом кормить. Макс – крупный пес, весит 46 кг, обычно собаки помельче – 25—35 кг. В сутки псу весом 25 килограммов нужно 200 граммов корма, Макс – 400 граммов. Мешок корма в 25 кг стоит 3,5 тысячи рублей, нам его хватает на 2 месяца. Есть еще обязательные прививки плюс обработка от клещей. Получается, что нам с Максом этой суммы все-таки чуть-чуть не хватает. Но если собака весит 25 кг, то вполне нормально.

– Макс признает вас вожаком стаи? Кого вообще больше слушается?

– Больше – меня, конечно. Но если у жены в руках будет что-то вкусное, то он будет слушаться ее. И ему по барабану, что я там говорю. Лабрадоры за кусок мяса мать продадут. Надо лечь – ляжет, надо встать – встанет. Лишь бы дали что-то вкусное. Это вам не немецкая овчарка.

О ПОМОЩИ ДРУГИМ

– Вы же уже несколько лет дистанционно помогаете решать проблемы незрячим из разных городов.

– Ватсап-чат «Слепой дождь» появился в 2017 году. Сейчас в нем есть люди с Дальнего Востока, из Уфы, Кемерово, Краснодара, Воронежа – в общем, со всей России. Часто собираемся по конференц-связи пообщаться, старички называют это «домочат». Регулярно добавляются новенькие, которые хотят получить собаку; мы их по любым вопросам консультируем, начиная с того, как оформить документы в ФСС, и заканчивая какими-то бытовыми вещами. Как пользоваться тем или иным приложением для незрячих, например. Очень удобно, что сейчас телефон все озвучивает, я могу и буквами писать на клавиатуре, и речевым вводом пользуюсь. Гугл-карты помогают, когда мне нужно узнать телефон какой-то организации. Другие ребята активно используют навигатор. Но у меня собака знает дорогу, плюс я визуально помню, как пройти до вокзала, например.

Еще веду два чата знакомств для людей с ограниченными возможностями. Вообще я этого не планировал, просто позвонила подруга и попросила заняться чатом – он разваливался, участники уже начали друг друга оскорблять, а организаторы просто ушли. Я хотел все там уравновесить и тоже уйти. Но вот, задержался.

Создал «прихожку», где сидят админы и отсеивают неадекватных, их довольно много приходит: видео всякие непотребные скидывают, агрессию проявляют. Если человек нормаль-

ный, мы его добавляем. Один чат – для 18-45-летних, другой – 45+. Люди самые разные: слабовидящие, с проблемами опорно-двигательного аппарата, колясочники. Новый участник записывает видеоанкету, рассказывает, из какого он города, чем увлекается, кого ищет.

– **Сложились ли уже какие-то пары?**

– Да. Вот совсем недавно пара образовалась: он – тотально незрячий, она – колясочница. Ему 50 лет, ей 22. Долго общались, потом сказали, что они пара, и ушли из чата. Или вот еще. Парень слабовидящий, 42 года, она тотально незрячая, 44 года, с двумя детьми. Он из Тульской области, она из Подмосковья, он к ней поехал – и вот вместе живут уже три месяца, осенью хотят расписаться.

Ну, и еще одно наше детище, о котором хочется рассказать: в 2018 году мы в Ростове организовали клуб для незрячих «Золотой пес», где уже в реальной жизни, не онлайн, помогаем тем, у кого есть собаки-поводыри, или тем, кто только хочет получить такую собаку. Всего сейчас по Ростовской области 13 собак-поводырей.

– **Совсем мало. А потребность какая?**

– Этого я точно не знаю. Но только в одном Зимовниковском районе живет 300 незрячих. Я, когда пришел в местное общество слепых, задал им вопрос: «Почему вы не оповещаете людей о том, что можно взять собаку?» Потому что в Зимовниках я с собакой точно один. Не смогли мне ответить. Я раза три туда ходил, пытался контакт наладить. Они в итоге меня пригласили вступить в их общество, но я не стал. Что мне там делать? Они только книги электронные раздают, больше ничем не занимаются.

– **Получается, незрячие просто не знают о том, что могут взять собаку?**

– Да, но не только это. Кто-то просто не любит животных, или аллергия на шерсть, жилищные условия не позволяют. У нас частный дом, а кому-то с собакой в квартире неудобно. Или просто не хочется убирать за ней, гулять. Я знаю одного незрячего в Москве, он взял собаку, а через три года вернул назад, она стала не нужна. Говорит, что выучил свой маршрут. Идет из дома до метро, а потом из метро до работы по бордюрам. Гулять с собакой некогда, она начинает набирать вес и в таком состоянии уже плохо делает свою работу.

Но без собаки движение очень медленное, с тростью ты так быстро никогда не пройдешь. Если передо мной хорошо знакомый маршрут, я могу командовать Максусу «бегом!» – и мы побежим. Побежим по-настоящему.

Автор Дарья Максимович / фото Светланы Ломакиной

«Прекрасно отношусь к Башлачеву, Науменко, Летову, но Цой есть Цой»

Разговор с главным цоеведом страны в день рождения рок-звезды.

Виктор Цой, лидер группы «Кино», был человеком довольно закрытым. Трагическая гибель в ДТП в 1990 году лишь подстегнула интерес армии фанатов ко всему, что было связано с его жизнью.

После смерти о нем появилось множество мифов и легенд. Но каким Цой был на самом деле – в быту, на отдыхе, в любви? Как он относился к деньгам? Какие песни остались в виде черновиков? Чтобы ответить на эти вопросы, поклонник «Кино» из Чебоксар Виталий Калгин потратил 10 лет. Он буквально заново открыл рок-звезду миллионам поклонников.

Сегодня Калгин – известный писатель, журналист, общепризнанный «главный цоевед страны». Его материалы, например, использовались режиссером Серебренниковым при создании фильма «Лето». Хотя началась цоеведческая карьера у нашего героя точь-в-точь, как в расхожей шутке: «Буду книгу писать – читать нечего!»

– Вы сами успели побывать на концертах «Кино»?

– К моему великому сожалению, нет. В город, где я тогда жил, группа не приезжала, а сам я поехать на концерт в другой город еще не мог: мне было 9 лет, когда Виктор погиб.

С отцом Цоя, Робертом Максимовичем, на Богословском кладбище (Петербург), где похоронен музыкант.

– Как началась ваша цоеведческая история?

– Вообще все началось еще в 1988 году, когда я начал слушать «Кино» и увлекся собиранием материалов о Цое. Я довольно известный коллекционер по теме «Кино». А вот что касается книг... Я никогда не планировал их писать. Но так случилось, что в 2006 году вышла книга Александра Житинского «Цой форEVER». И это было полное разочарование, которое я высказал лично Александру Николаевичу. Я долго переживал, потому что книга Житинского была совершенно не тем, чего все так ждали. И в конце концов родилась идея написать о Цое самому, благо материала у меня было в избытке. Нужно было лишь получить одобрение музыкантов «Кино» и родных Цоя. Что и было сделано. Меня привлекли в качестве консультанта документального фильма «Цой – «Кино», в 2010 году я встретился с «киношниками», показал уже готовый к тому времени текст книги и объяснил свою идею. И они одобрили. Собственно, вместо меня мог прийти любой другой ценитель творчества группы. Но пришел я. Потому что мне это нужно самому. «Кино» – моя жизнь.

Хотя я прекрасно отношусь и к Башлачеву, и к Науменко, и к Летову, и к прочим деятелям русского рока. Но Цой есть Цой. И поэтому уже десять лет я пишу на тему, которую лучше всего знаю и по которой у меня достаточно много материалов, и я хочу поделиться этим с людьми.

Из книги Виталия Калгина «ЖЗЛ. Виктор Цой» (издательство «Молодая гвардия»):

«Алексей Рыбин вспоминал, что название «Кино» родилось после того, как они с Цоем провели целый день за перебиранием всевозможных слов. Толкового на ум ничего не приходило (рассматривались даже «Ярило» и «Пионеры»). В итоге внимание ребят привлекла надпись «Кино» на крыше кинотеатра «Космонавт», и именно в тот момент уставший Цой произнес: «Хрен с ним, пусть будет «Кино». Во всяком случае, ничем не хуже, чем «Аквариум», решили Цой с Рыбиным».

– Сколько книг вы написали о «Кино»? И сколько интервью взяли для этого?

– Давайте вместе посчитаем, честно – никогда не считал. «Виктор Цой. ЖЗЛ», «Последний герой современного мифа», «Цой – жизнь и «Кино», «Звезда по имени Виктор Цой», «Группа крови», «Памятный альбом», «Памятный альбом. Черновики», «Виктор Цой. Последний год». Получается 8 книг. Переиздания не считаю. Сколько для этого провел интервью, не считал тем более. Точно – сотни.

Мои собеседники – и известные всей стране музыканты, и просто поклонники «Кино». Каждый человек, с кем пришлось встречаться, по-своему интересен. Но интереснее всего было с Георгием Гурьяновым (барабанищик «Кино», художник. – «Нация»). Это был замечательный человек, замечательный рассказчик. И мне его очень не хватает.

Из книги «Георгий Гурьянов: «Я и есть искусство» (издательство «АСТ»), одно из последних интервью Гурьянова, автор Виталий Калгин, осень 2012 года:

«Помните ли вы выступление в Доме кино в 1987 году? Когда в зале были разные знаменитости, в том числе Роберт Де Ниро». – «Конечно, очень хорошо помню. Это было немножко панк-выступление. Мы пели „Время есть, а денег нет, и в гости некуда пойти“, а в зале за столиками сидели такие нажравшиеся лоснящиеся насосы. Осетры, у которых явно времени осталось в обрез, денег до фига и в гости есть куда пойти. В этой ситуации песня звучала эпатажно».

– Самая главная оценка вашей работы – кем она была дана?

– Это, конечно же, мнения музыкантов «Кино» и родных Цоя. Озвучивать их сейчас я не стану, это все-таки личное. Скажу лишь, что все было достаточно тепло и одобчительно.

Хотя... Может быть, когда-нибудь я напишу книгу о том, как писал свои книги, где все расскажу и приведу все эти комментарии.

– Что из открывшихся фактов биографии Цоя удивило вас самого больше всего?

– Больше всего поразила мистичность Цоя, притом что совершенно не было повода и предпосылок к ранней смерти, – Цой постоянно говорил, что рок-музыканты до старости не доживают.

Из книги Виталия Калгина «ЖЗЛ. Виктор Цой»:

«Андрей Тропило (звукорежиссер, продюсер): «С Витей работать было трудно: он как прирожденный лидер редко следовал фонограмме и пел, как правило, выше, чем нужно. И еще он постоянно чмокал губами в микрофон. Мне даже приходилось покупать ему жирную гигиеническую помаду, чтобы этих причмокиваний не было слышно. Он тогда страшно увлекался Брюсом Ли, был на нем просто помешан. Например, когда записывались другие музыканты (для альбома «Ночь»), Витя прыгал и отрабатывал какие-то невообразимые удары ногами и руками. Приходилось уводить его оттуда к чертовой матери в коридор».

– Лет десять назад мы брали интервью у режиссера Рашида Нугманова – о фильме «Игла. Ремикс». Тогда как раз были популярны «марши несогласных», и Нугманов сказал нам, что Цой бы точно не участвовал в них («ни с кем не пошел бы маршем»). А что скажете вы?

– Если учесть тот факт, что вся группа «Кино» была совершенно аполитична и Цой не раз сам об этом говорил, то да, я поддерживаю мнение Нугманова.

Никто не знает точно, чем бы сегодня занимался Цой. Но я уверен в одном – это были бы вещи концептуальные, актуальные, модные. Не важно, музыка или картины, или кинематограф – Цой и сегодня был бы на высоте. Но не политика – это точно.

– Цоя много перепевают все эти годы. У кого получилось лучше всего, по вашему мнению?

– Совершенно не отслеживаю перепевки. Их действительно огромное количество. Хотя меня позабавило и тронуло проникновенное исполнение песен Цоя бурановскими бабушками.

Могу выделить из подражателей группы «Вторая серия», «Город», «Фильм», «Фойе», «Черный квадрат». Неплохо поет Земфира. Каждый по-своему поет. Но Цоя никому не спеть лучше него самого – это факт.

– А то, что «Кукушка» стала такой популярной (ее поют и детские хоры, и Полина Гагарина) и даже государственной песней, – что вы об этом думаете? Интересно, насколько высоко сам Цой ценил эту песню?

– Что касается «Кукушки»: насколько известно, Цой написал ее в одиночестве, и для него это было очень личным. И он довольно глубоко ушел в ее написание. К сожалению, мы уже никогда не узнаем, как он сам оценивал свои последние песни. Хотя, по словам Наталии Разлоговой, Цоя очень удивляли эти песни с неизвестно откуда взявшейся темой прощания.

То, что сегодня «Кукушку» поет Гагарина... Ну, почему бы и нет? Пусть поет. Лишь бы не забывала, кто автор песни.

– Вы пойдете на концерт «Кино» без Цоя (впервые за 30 лет группа решила выступить вместе, голос Цоя будет в записи. Первоначально серия концертов должна была пройти осенью 2020 года, но была перенесена на весну 2021-го. – «Нация»). В Москве или Питере? И почему «киношники» решили снова выйти на сцену?

– Да, разумеется, обязательно пойду. Планирую и в Москве, и в Питере. А если повезет, то и в Риге с Минском. Что касается причины организации этих концертов... Думаю, пришла пора. Прошло 30 лет. Давно пора.

– Не самая изощренная музыка, не самые мудреные тексты («кровь – любовь», «звезда – беда»). Но почему именно Цой стал главной легендой нашей рок-музыки?

– В его песнях столько жизненной правды и энергии, что этого хватает, чтобы зацепить людей и сегодня. Еще при жизни Цой, по моему глубокому убеждению, вошел в пантеон неких светлых богов и ориентиров – вместе с Пушкиным, Гагариным. Было много разных групп и певцов, однако большинство из них сегодня слушает лишь узкий круг почитателей. Остальные даже забыли, кто это был. А Цой, как и прежде, гармоничная личность, которую слушает и гопник, и интеллектуал. Слушают потому, что каждый находит что-то свое. Феномен популярности Виктора Цоя и группы «Кино» в том, что они настоящие. В них нет ни лицемерия, ни фальши. Пели, как жили, и жили, как пели.

Из книги Виталия Калгина «ЖЗЛ. Виктор Цой»:

«Валентина Васильевна Цой, мама: «Однажды Юра Каспарян сказал мне, что Витя был великий шаман, который управлял тысячами людей с помощью силы, которой он владел. Виктор был очень сильной натурой. Я как-то спросила у него: «Ты же сам простой, а люди по тебе с ума сходят, почему?» Он молчит. Я спрашиваю: «Как дела-то хоть у тебя?» Он говорит: «Хорошо». Спрашиваю: «Вить, а трудно быть таким?» Ответил: «Очень трудно».

Автор Андрей Бережной / фото из архива героя

«Идешь по лесополосе и видишь: дачники выбросили кости солдата» Разговор с ростовским поисковиком Андреем Кудряковым.

«Пропал без вести» – такие похоронки сотнями тысяч разлетались по стране во время Великой Отечественной войны. Что ж, говорят, такова простая и жесткая цена победы. Только есть упрямые, кто с этим не согласен. Уже 20 лет ростовское объединение «Миус-фронт» ищет пропавших бойцов войны и возвращает им имена. Руководитель ростовских поисковиков Андрей Кудряков объяснил «Нации», что заставляет их делать это.

– Конец 1990-х. Мы, бывшие офицеры российской армии, прошедшие Афганистан и горячие точки Кавказа, поехали на Миус-фронт (*оборонительный рубеж вермахта на берегу реки Миус, созданный в декабре 1941 года.* – «Нация»). Узнали о нем от товарища нашего, историка Владимира Афанасенко. О боях этих вообще-то молчали или говорили шепотом, потому что огромнейшие потери были допущены там нашим командованием. Более 100 тысяч только пропавших без вести!

...В начале октября 1941-го немецкие танки так стремительно вышли на Таганрог, что девочки, работающие на почте, звонили на ростовский почтамт: «У нас тут немцы ходят под окнами!» Над ними смеялись из Ростова: «Да не выдумывайте, вы чего там, отмечаете что-то?» – «Нет-нет, настоящие немцы!» Стали докладывать выше, о броске этом никто не знал – ни в штабе Южного фронта, ни в обкоме. Немцы всего в 100 км от Ростова! И первыми эти танки встретили курсанты ростовских военных училищ, 17-летние мальчишки. Многие были даже без оружия или, в лучшем случае, с учебными винтовками... За несколько часов формировали маршевые роты и бросали сразу в бой. Вербовали даже милиционеров: «Револьвер есть? Езжай». А в револьвере – 6 патронов.

Руководитель ростовских поисковиков Андрей Кудряков (справа)

Многие понимали, что шансы остаться в живых ничтожны. Ветеран 248-й дивизии рассказывал нам: выжил, мол, я один из взвода, а завтра снова бой, смотришь на новобранцев, которых вечером привели, и ясно же, что из этих пацанов не останется никого. И вот выберешь кого-нибудь, кого больше всех жалко, и стараешься хотя бы ему помочь. Говоришь: «Я бегу – и ты беги, я упал – и ты падай».

Там, в октябре 1941-го, на Миусе сражалась и 339-я стрелковая дивизия. Она одна из первых встретила немцев и попала в окружение. Конечно, там почти все полегли, практически вся дивизия – 6 тысяч человек. И тем не менее впервые с 1939 года немецкая армия остановилась. До этого они все время хоть 5 километров в день, но продвигались, а здесь впервые встали на месяц. Такое было сопротивление. Все бились до последнего. Немцы говорили: «Под Ростовом мало пленных, очень мало. Одни убитые. Никто не сдастся...» Армия Германии к такому не привыкла.

И вот приезжаем мы и видим не монументы и памятники, а то, что прямо на поле белеют кости погибших солдат. И хотя у многих в Ростове или области кто-то погиб при Миусе, для местных жителей такая страшная картина – просто часть пейзажа. Были и более жуткие вещи: на даче люди копают землю, найдут кости и вместе с мусором выкинут. Идешь по лесополосе и видишь – дачники выбросили солдата. Для нас это было непостижимо.

И мы тогда дали себе слово, что каждый свободный миг будем заниматься поиском и возвращением с войны наших предков. «Своих на войне не бросаем» – это стало нашим девизом, эти слова написаны на флаге и шевроне нашей поисковой организации «Миус-фронт».

В Ростове есть улица имени 339-й стрелковой дивизии, той самой, с Миус-фронта, но кто и что стоит за этим названием, знают буквально единицы. И это другая часть нашей работы – просветительская. Я люблю приходить в школы, общаться с детьми, узнавать их взгляды на исторические события. Многие сегодня путаются в элементарных понятиях. Очень популярна версия, что Сталин с Гитлером договорились где-то в тайном месте и Вторую мировую войну устроили в своих интересах. Это прямо тренд. Встречается даже такое: Сталин, он же агрессор был, хотел подчинить себе весь мир и напал первым, а Гитлер только защищался.

Ну, и роль Америки в войне просто огромная. Только когда американцы вмешались, удалось закончить войну. Вот такие искажения истории в мозгах. И тут помогает лишь спокойный разговор и личные истории.

Школьники часто просят в наши поисковые отряды. И я считаю, что это очень благородное дело. Недавно в одной закрытой воинской части подходит ко мне молодой офицер, красавец, орденские планки на груди: «Вы меня не помните?» Я не признал. Он: «Ну как же, я пацаном тогда был». И я вспомнил: правда, в начале 2000-х крутился с нами пацан из неблагополучной семьи. Часто с нами ездил, а мы ведь в 5 утра выезжаем, ни разу не опоздал. И в итоге в такого парня вырос: офицер спецподразделения, участник антитеррористических операций.

Раскопки – сильный фактор в плане воспитания. Тот, кто видит своими глазами неприступные немецкие укрепления Миуса, а они были построены специалистами по последнему слову фортификационного искусства, но все же были взяты, кто находит солдата, который пролежал почти 80 лет, зарос травой, но он до последнего бился за Родину, тот переоценивает и свою жизнь.

У меня есть и своя, личная, война. Мой дед по материнской линии, с которым я рос и имел счастье общаться, был танкистом 51-й армии. Он не очень любил рассказывать о боях, так, обрывки воспоминаний. Начал воевать еще в Финскую кампанию, есть прекрасная фотография, которую он прислал домой: вместо погон – петлицы с танками, красиво. Он говорил: «Видишь, как я тут улыбаюсь, мы тогда с друзьями пошли, выпили пива, сделали парадные снимки... А через пять дней я горел в танке, и тех друзей уже просто не было».

Но война – это не только смерть и трагедия. Это еще жизнь и любовь. Именно в моей семье сложилось так, что в самой страшной битве в истории человечества – Сталинградской – дедушка познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой. Она была медсестрой, 17-летняя девчонка, доброволец. Дежурила, когда он привез своих раненых. Он требовал, чтобы их не бросили, был мороз, продержат на морозе – все, не спасти. И он бегал, пистолетом размахивал: срочно! Она сказала: я присмотрю за ними, не переживайте. Потом он ее нашел, начался роман... Они договорились, что свадьбу сыграют после войны – если выживут. Шансы у них были минимальные: в Сталинградской битве жизнь танкиста – два дня, жизнь медсестры – три. Это сухая статистика... Но им повезло.

А второй мой дедушка – офицер политуправления Черноморского флота, друг и соратник Цезаря Куникова, нашего прославленного морского пехотинца. Дед командовал морским полуэкипажем при обороне Москвы, а когда враг был отброшен от столицы, попросился к Куникову, в самое пекло, тот под Ростовом воевал. Его перевели, и он участвовал в дерзких рейдах, это зима была 1942 года – тогда диверсионные группы Куникова придумали такой ход: они, по 10—15 человек, на коньках пролетали замерзший Таганрогский залив и так заходили в тыл противнику.

Его жена, моя бабушка, тоже пережила чудовищную трагедию – блокаду в Ленинграде. Она из огромной семьи, 18 человек их было. И уцелели из семьи только двое: младшая дочка (моя бабушка), ее, почти прозрачную, вывезли по Дороге жизни, и ее старшая сестра, она воевала в лыжном диверсионном батальоне.

Поэтому для меня история войны – это история моей семьи.

В поисковики приходят совершенно разные люди – и управляющие банком, и водители маршруток. И на раскопках у нас нет «генералов» и «солдат», нет какого-то социального или интеллектуального разделения; историк, которые книги о войне читает на других языках, и человек, который за всю жизнь ни одной книги не прочел, – все наравне. И всех объединяет одно – личная история: у кого-то дедушка пропал без вести, у другого кто-то воевал здесь. А личные истории – это и есть правда о войне.

Когда выкапываешь солдата, обращаешь внимание на разные-разные детали, которые могут пролить свет на его личность. И кропотливо работаешь с каждым предметом. Ведь что

такое армия? Все одеты одинаково. Пояса, котелки, каски – все одинаковое. И чтобы не перепутать, ты свое подписываешь. Вот по этим подписям прежде всего узнаешь, где кто. Но попался нам как-то котелок, где было шесть фамилий. Это почему так – погибал товарищ, и в память о нем вещи делились между друзьями. И вот – шесть фамилий. То есть котелок шесть раз менял владельца, и все они погибли.

Идентифицировать можно и по наградам – каждая имеет свой номер, мы так многих опознали. Именно так и определили первого найденного мной лично бойца. Его звали Щеточкин Александр Иванович, он был политруком, погиб в рукопашной схватке в немецком окопе в июле 1943 года. Хотя в 43-м, во время прорыва Миус-фронта, медали и ордена давали очень редко. Надо было совершить прямо неординарный подвиг. Последнего парня, узбека по национальности, мы тоже нашли по медали «За отвагу». Саберджани Игамбирдиев, 1922 года рождения, в ходе одного боя под Сталинградом вытащил из-под огня 16 своих раненых товарищей-курсантов, а сам при этом был ранен. Мы нашли его в стрелковой ячейке: лежал в ней и отстреливался до последнего патрона. Видимо, прикрывал отход своих. Немцы его гранатами закидали. Очень хочется найти его родственников, поэтому не хороним. Но пока никак не можем их разыскать. Может, с вашей помощью найдем?

Чаще всего родственники бойца хотят похоронить его там, откуда он уходил, – рядом с мамой, рядом с супругой, которая ждала его всю жизнь. Это наша народная традиция. И думать о нас как об иванах, родства не помнящих, вообще неправильно. Всякий раз, когда мы находим родственников, они говорят: конечно, помним, знаем о нем, это же наш прадедушка, вот его фотокарточка. Ну, да, он у нас пропал без вести. Приезжают, забирают останки, хоронят. За какой бы границей сейчас ни жили. Когда начались конфликты с Украиной, мы ни разу не потеряли связь с тамошними поисковиками. Если находим бойца с Украины, передаем им. И они так же поступают.

Останки бывают разные, и об этом тяжело говорить – если это летчик или танкист, совсем чуть-чуть косточек остается: танк и самолет горят же... А если пехотинец, то это почти весь скелет, и можно сделать генетический анализ, мы работаем с медуниверситетом, лабораторией генетических исследований. Нашли несколько лет назад трех летчиков – все останки смешаны, понять, кто есть кто, тяжело, и внучка одного из них, штурмана Дзюбы, сдала генетический материал. Мы тогда сразу установили, кто из них ее дедушка. Похоронены эти пилоты на Аллее Героев Самбекского народного мемориала под Ростовом.

Отправляясь на поиск, ты отправляешься, по сути, на войну. И с теми же опасностями сталкиваешься. Не принято говорить, но каждый год по России гибнет около 10 поисковиков – огромное количество мин, снарядов, гранат все еще лежат в земле. Окоп раскапываешь, бьешь киркой – можешь в камень попасть, а можешь в мину. Даже разжигая огонь на ночевке, надо проверить это место металлоискателем. Был случай, мы сидели вокруг костра, было 8 марта, очень холодно, и вдруг – выстрел прямо из костра! И пуля летит в одного из поисковиков. Ударил в пенек, на котором он сидел. А попала бы чуть выше, в пах, – все, не жилец.

Тонны боеприпасов каждый год находим и передаем военным. Огромное число мирных жителей от них погибало. Вы, может, слышали, после войны трактористы ездили, сидя на крышке от водопроводного люка? Потому что трактора постоянно подрывались, наезжая в поле на мины. Если была крышка, взрывная волна ударяла в нее, и тракториста просто выбрасывало вверх: у трактора предварительно отпиливали верх кабины. А почему, вы думаете, большинство офицерских машин в зоне боевых действий ездили кабриолетами? Наедешь на мину – тебя выбросит, а не размажет о крышу.

Солдатских останков до сих пор так много в земле, что в наше сознание это просто не уложишь. Окопы идут на сотни километров, мы успеваем пройти за день 100 метров всего. И на этих 100 метрах можно найти 10—15 человек. В местах особо интенсивных боев мы решили просто ставить поминальные кресты с названиями частей. Первый установили возле

села Берестова Куйбышевского района, там проходила линия Миус-фронта. Это большой мраморный крест, где перечислены все части, которые там сражались.

Под Ростовом самые жаркие места, кроме Миус-фронта, это Маныч – неудачная попытка освободить Ростов в январе 43-го, и Еланский плацдарм в верхнедонских районах, там, где начиналась Сталинградская битва.

Мистики много. Связь с найденными солдатами, она, безусловно, существует. Нужно по-особенному настроиться, когда идешь в поле. У нас есть ритуал – мы отправляемся с благословения священника. Если плохое предчувствие – нельзя ехать: слушай интуицию, она не обманет. Нельзя пить спиртное, как бы ни хотелось снять стресс, – теряешь осторожность, появляется легкое отношение такое: о, ну подумаешь, мина, я их уже сотни находил. А каждая мина – это смерть. И не только твоя, но и товарищей, которые рядом.

Наши враги... Знаете, мы занимаемся делом настолько большим и важным, что назвать глупости, с которыми мы сталкиваемся (и которых, увы, много), вражескими деяниями было бы неправильно. Настоящие враги у нас идейные – те, кто сознательно искажают историю. А люди... ну, скажем, фермер, который понимает, что у него на поле братская могила, но говорит: «Не пушу, это моя частная собственность!», – враг или просто жадный дурак? Но не было ни разу, чтобы я не поговорил с фермером и он меня не понял. Всегда после общения разрешают работать и даже сами помогают. А есть чиновники, которые относятся просто формально: «Вот у вас такой-то документ должен быть. Нет у вас нужной печати? Мы не будем хоронить этих солдат». И это, конечно, страшная глупость.

Похороны зачастую проводятся за наш счет, мы покупаем венки, заказываем гробы. Да, мы энтузиасты. Оборудование, экипировка – это все наши личные средства. Бюджет каждой экспедиции собираем заранее. Вот студенческие отряды иногда финансируют вузы. Мы часто подавали на гранты, но никогда не получали. Что-то у нас всегда не так: печать смазалась, запятая не там, «но на следующий год приходите, конечно, попробуем еще». Но мы не останавливаемся. Хотя обидно: было бы какое-то финансирование, можно было бы в разы больше сделать. Вот сейчас в Калининграде нашли солдат, там, по предварительным данным, и ростовчан, земляков наших, много. Мы поначалу решили, что на будущий год поедем большой экспедицией и выкопаем, но не можем: не хватает средств – перелет, другие затраты. Вот это огорчает. Но я уверен, ситуация рано или поздно изменится.

Иногда просто не верится, даже мне, в те подвиги, которые на самом деле имели место. Как-то мы вели работы в донском хуторе Нижнемитякин, и местные рассказали такую историю. Это был в 1942 году. Наша армия отступала к Волге, бросали технику, боеприпасы. Вот еще один танк, КВ-1, остановился на пригорке, вроде как тоже сломался. Так местным сказал молодой лейтенант, который (как и мы) пришел к ним за водой. А скоро в хутор ворвались немцы: три танка и мотоциклисты. На русский танк даже не обратили внимания: были уверены, что он сломан, брошен. И вдруг КВ-1 ожил, открыл огонь, да такой меткий! Двумя выстрелами подбил два немецких танка, пулеметом срезал мотоциклиста.

Спустя час к хутору подошла целая танковая колонна немцев, потом еще одна! Местные насчитали больше ста машин. Наш танк занял удобную тайную позицию и принял два катастрофически неравных боя. Из первого вышел победителем, во втором был подбит, но ценой жизни двух десятков немецких танков и их экипажей.

Когда я эту историю услышал, не поверил: один наш танк против ста немецких? Да ну, фантастика какая-то. Наверное, умножили на десять. А потом почитал боевые донесения, и действительно, был такой человек, командир экипажа, в мирной жизни почтальон из Татарстана, Семен Коновалов, и был такой подвиг. Он получил Героя Советского Союза посмертно: все были уверены, что Семен погиб. А он спустя месяц вернулся в свою часть, да еще и на немецком танке!

И никто до недавних пор не знал об этом подвиге, хотя он один из самых серьезных за всю историю Великой Отечественной. Я написал документальный рассказ, и по мотивам этого рассказа Константин Максимов в 2018 году снял фильм «Несокрушимый». Приукрасил режиссер, конечно, немного: девушку Коновалову придумал. Ну, чтобы всем было интересно смотреть. А вообще жизнь такие сценарии пишет – нам и не снилось.

Автор Ольга Майдельман / фото из архива героя

«Папа сказал, что его забирают ненадолго, даже зубы вставные не взял. Больше я его не видела» Создатель экскурсии по местам репрессий в Екатеринбурге Сергей Каменский – о том, как и зачем нужно оживлять страшное прошлое.

Вот уже несколько лет работники Музея истории Екатеринбурга проводят документальный аудиоспектакль по городским местам, связанным с периодом Большого террора в СССР. В основе «Маршрута памяти» (так называется спектакль) – десятки интервью с родственниками расстрелянных в Свердловской области в 1937—1938 годах. Дополняют их выдержки из дел репрессированных и исторических документов.

Мы поговорили с организатором проекта, директором Музея истории Екатеринбурга Сергеем Каменским о том, как новые форматы помогают лучше понять историю и почему о прошлом надо научиться говорить другим языком.

Из аудиоспектакля «Маршрут памяти» – свидетельствует Майя Вукулова, дочь репрессированного свердловчанина Семена Вукулова:

«Когда забрали отца, дом у нас тоже отобрали. Мы жили в землянке у какой-то старухи. Потом мы с мамой, Евдокией Ивановной, пришли на вокзал, она меня посадила на лавочку и сказала: «Посиди, я скоро приду». Я сидела до темноты, ждала, но она больше не пришла. Я сижу реву... Я ее больше не видела. Мне сказали, что мать волки разодрали. В те годы очень много волков было. Тетка, у которой мы жили, пришла и забрала меня с вокзала. «Вот, – говорит, – от твоей мамки только котомка осталась». Когда брата Сергея стали забирать на фронт в 1941 году, он меня посадил на поезд и сказал: «Запомни станцию, на которой ты родилась, с какого ты года и фамилию, имя, отчество». Но я не запомнила, то ли Вера, то ли Валя. А в детдоме меня называли Майей. Я родилась в 1931 году, но меня записали 1928-м.

И еще он сказал: «Никому не говори, что отец у тебя – «враг народа». После войны брат по всем детским домам меня искал. Так и не нашел, умер».

– В конце 2016 года в состав нашего музея вошло здание на 12-м километре Московского тракта: оно находится на территории Мемориала жертв политических репрессий. Чтобы сделать там полноценный музей, нужно было собрать материал по теме. Стали искать тех, чьих семей коснулись репрессии, чтобы записать интервью с ними. Мы понимали, что тема эта до сих пор очень сложная, неоднозначная и лучше всего будет восприниматься через конкретные человеческие истории, а не через цифры, факты и рассуждения. В итоге получилось собрать около сотни историй живущих сегодня людей, чьи родственники стали жертвами репрессий в Свердловске в 1937—1938 годах.

Сергей Каменский (в центре) с экскурсантами

Мы решили составить маршрут экскурсии по местам города, связанным с репрессиями, и включить в него аудиоистории – фрагменты интервью с нашими героями. Из Екатеринбурга маршрут ведет к Мемориалу жертв политических репрессий. Это конечная точка экскурсии, и там мы устраиваем еще один спектакль, иммерсивный.

Истории, которые нам рассказали горожане, вошли в книгу «Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга». Очень многие из тех, кого мы нашли, отказывались от интервью. Были и такие, кто сначала сомневался, потом давал интервью, а после звонил и просил не публиковать. В обществе все еще очень высокий уровень настороженности по отношению к теме репрессий. Одним тяжело рассказывать, другим до сих пор страшно, что нечто похожее может повториться в наше время. Некоторых уже согласившихся отговаривали родственники.

Но все же для большинства наших собеседников это было первое обнаружение своей истории, которую часто даже внутри семьи не проговаривали. Это была, если хотите, реабилитация, важный психологический момент для рассказчиков и их родственников.

Я был в отпуске, когда мне прислали книжку на вычитку. Я попытался сделать это как можно скорее, но больше трех историй за раз осилить было просто нереально – настолько зашкаливал депрессивный фон. Люди рассказывали не только об аресте близкого человека, но и обо всех перипетиях жизни после этого: как дети оставались одни, перемещались по стране, пытались устроить свои судьбы.

Из аудиоспектакля «Маршрут памяти» — свидетельствует Владислав Грейсман, сын репрессированного Константина Грейсмана:

«Вначале отцу даже предложили хорошую работу – в областном управлении торговли. Это с подачи НКВД так поступали, чтобы никто ничего худого не ожидал. А потом папу арестовали.

У меня есть документ – протокол обыска. 9 ноября 1937 года в полночь к нам пришли. Их было двое. У ворот стояла машина. Позвали соседа как понятного. Меня с кровати подняли

и все обыскали. Надо заметить, что отец несколько не волновался, говорил, что это какое-то недоразумение и он завтра придет домой. Отец даже свои вставные зубы не взял. Больше папу мы не видели».

Когда мы начинали работать с этой темой, она подавалась в музейных и иных культурных проектах, в основном как противостояние «палач – жертва». И наш «Маршрут памяти» во многом повествование от лица «жертв». Это вызывает сопереживание. Но мы поняли, что такого способа погружения в тему недостаточно. Наше социальное исследование показало, что у людей от 18 лет и старше, независимо от поколения, есть жесткий блок на тему репрессий. Такая психологическая железобетонная стена, через которую крайне сложно пробиться. Мы старались подать тему так, чтобы эта стена начала уменьшаться. Чтобы мы не просто жили с этим прошлым, а наконец прожили его.

На «Маршруте памяти» наши зрители, несомненно, испытывают сильные эмоции, им трудно остаться равнодушными. Но насколько этот опыт помогает им в дальнейшей жизни? Не травмирует ли их он?

По нашей задумке этот опыт должен учить человечности. Поэтому мы решили создать еще и иммерсивный спектакль на самом мемориале – он работает совершенно иначе, чем «Маршрут». Если во время «Маршрута» люди путешествуют по чужим историям, то на мемориале они сами становятся героями спектакля.

Например, оказываются на чтении уголовного дела – как в качестве обвиняемых, так и в качестве судей. Или вот: мы озвучиваем страшные цифры – под Екатеринбургом были расстреляны более 20 тысяч человек. Но что это такое для русского человека, у которого 145 миллионов сограждан? Режиссер придумал такой ход: пока зрители ожидают следующего действия иммерсивного спектакля, они по нашей просьбе считают вслух. Когда считаешь и знаешь, что каждая новая цифра – это еще одна человеческая жизнь, тогда понимаешь, что 20 тысяч – это колоссально, непоправимо много.

Известный факт: когда людей арестовывали, многих расстреливали сразу, без суда и следствия, но родственникам об этом не сообщали. И родные неделями и месяцами приносили передачи, хотя им самим нечего было есть. В роще у мемориала (на предполагаемом месте захоронения) во время иммерсивного спектакля размещается серия портретов репрессированных свердловчан. Наши зрители могут и сегодня принести им последнюю передачу.

На мемориальных плитах мы предлагаем зрителям поискать фамилии своих близких или однофамильцев. Многие не просто находят, но после идут в архивы, чтобы узнать спрятанную семейную историю.

Есть в иммерсивном спектакле момент, когда человеку предлагается сбросить с возвышенности камень, на камне написаны имя и фамилия расстрелянного на этом месте человека. Зрителям не объясняют, что означает кинуть этот камень: у театрального действия могут быть разные прочтения. Но большая часть зрителей трактует это как убийство. Примечательно, что половина камень бросает, а половина говорит, что не станет этого делать. Потом, когда все собираются вместе, те, кто сбросил, испытывают шок: оказывается, этого можно было и не делать. Так мы пытаемся донести до современников: выбор есть всегда, даже когда кажется, что его нет. «Маршрут памяти» и иммерсивный спектакль на мемориале – это попытка создать эмоциональный антивирус. Научиться распознавать в себе механизм агрессии и страха, который может привести к таким трагическим последствиям.

Из аудиоспектакля «Маршрут памяти» — свидетельствует Нина Гарылешева, дочь репрессированного Франца Мали:

«Когда папу арестовали, мне было шесть лет, его я помню примерно лет с четырех. Мама говорила, что я тогда болела scarlatinной. И вот я в больнице, сижу в кровати, под-

нимаю голову и вижу в окне папу, его папаху; палата располагалась на первом этаже. Но папа быстро исчезает, чтобы, видимо, меня не огорчать, потому что в инфекционное отделение не пускали. Я, конечно, плакала. Его мелькнувшую в окне каракулевую папаху запомнила на всю жизнь.

Запомнилась и ночь ареста. Когда за папой пришли, его еще не было дома. Зашли двое в длинных черных одеждах, начали обыск. Книги швыряли на пол, туда же отправили моего любимого «Айболита», при этом вслух возмущались, что папы долго нет, что, может быть, он сбежал. Но папа вернулся, а когда они его уводили, он взял меня на руки, поцеловал. На щеках у него была щетина, и мне было щекотно от нее. Это последнее, что я запомнила об отце».

Большинство тех, кто занимается этой темой в России, работают по схеме «нужно помнить это страшное прошлое». Но совершенно не понятно, почему мы должны это помнить просто так, как, впрочем, и любое другое историческое событие. Я считаю, что так это не работает. Прошлое нужно для чего-то, оно должно как-то отзываться в сегодняшнем дне, помогать нам стать сильнее, лучше. Но даже если бы все музеи страны начали работать по-новому, этого будет мало. Есть школа, старшие родственники в семье и частное восприятие этой темы. Менять массово отношение к теме репрессий можно только при помощи внутренней политики – когда на государственном уровне будут четко проговариваться какие-то вещи.

Все наши проекты объединены слоганом «Один человек – это уже много».

Уровень знакомства с темой репрессий падает. Я учился в 1990-е годы, и по моим ощущениям, тогда этому уделялось больше внимания. Сейчас постоянно сталкиваемся с тем, что подростков поражают, казалось бы, общеизвестные факты: например, что по городам и областям рассылались разнарядки – сколько человек должно быть арестовано по той или иной политической статье. Правда, и некоторых взрослых экскурсантов это сегодня удивляет.

После спектакля мы оставляем зрителя один на один с камерой, чтобы задокументировать его впечатления. Одна 15-летняя девочка сказала так: «Я живу свою жизнь, а оказывается, в любой момент меня могут просто вычеркнуть, и никто потом даже имени моего не вспомнит, и ничего не останется». Фильм Юрия Дудя о Колыме показал: когда множество известных фактов проговаривают вслух, они срабатывают сильнее.

Такие проекты, как наши спектакли и документальная книга, могут оказывать на зрителей и читателей прямое воздействие. Социологи говорят, что после посещения спектакля у людей снижается блокирующий фон: у них появляется больше слов и эмоций, которые они используют при обсуждении темы. Конечно, мы не можем утверждать, что жизнь у людей делится отныне на «до «Маршрута памяти» и «после». Но думаю, что у кого-то такое точно происходит.

Кроме того, у культурных проектов есть отложенный эффект. Его трудно измерить, но он точно есть. Может быть, когда-то в детстве Илон Маск посетил музей космонавтики, и что-то там осело в голове, позже раскрутилось, а потом выстрелило. Так и здесь: мы пока не можем сказать, как этот опыт повлияет на зрителей позже, но эффект будет точно.

Автор Виктория Сафронова / фото из архива героя

«Приезжайте к нам в марте. Как раз потеплеет до минус 30° С» Фотограф Алексей Васильев показывает родную Якутию.

– Давайте составим памятку для туриста. Что обязательно нужно посмотреть в Якутии?

– Сходить в кинотеатр – посмотреть якутское кино. Для русскоговорящих есть титры. Традиционно туристов водят в ресторан якутской кухни, в «Царство вечной мерзлоты» – пещеру с ледяными скульптурами. Мне такое не очень. Если бы ко мне приехал дорогой гость, я бы повел его по нашим трупобам. «Посмотри, друг, минус 50° С, а человек живет в этом домике». Потом – кататься на автобусе. Надо-надо проехаться несколько остановочек на маршрутке. Битком людей, невозможно понять, где заканчивается одна шуба и начинается другая. Надо в это окунуться.

– Что нужно попробовать?

– Попробуйте кюэрчэх, мне его бабушка по утрам готовила. Это традиционное якутское блюдо типа йогурта, из сметаны или сливок с ягодами и сахаром.

– Что увезти в качестве сувениров?

– Купите якутский нож. Пригодится вам и на кухне, и на охоте. Проснетесь в Москве, захотите на охоту – и вот, пожалуйста.

Близнецы Семен и Степан в роли дулганча – мифических существ, живущих на болотах, в сказке «Старушка Бэйбэрикээн».

– О каких местных привычках и обычаях нужно знать, чтобы не попасть впро- сак?

– Будьте готовы к тому, что, если вы что-то планируете, это что-то может не состояться. Таксист потеряется, продавец о вас забудет. Человеческий фактор – очень сильный фактор в Якутии. Человек просто забыл, или срочно понадобилось в гости, или «ого, я зарос, пора подстричься». Короче, «всяко-разно может случиться» – так у нас говорят. Поэтому набери- тесь терпения. Не принимайте на свой счет. Человек, скорее всего, очень хорошо к вам отно- сится и все для вас сделает. Но не с первой попытки. И, может, не со второй.

– Какой национальный праздник, обряд можно и нужно увидеть своими гла- зами? Стоит ли пытаться попасть на якутскую свадьбу?

– Единственный большой национальный праздник – Ысыах, якутский Новый год, он отмечается летом. Красивый праздник под открытым небом, там как раз можно оценить наци- ональный колорит: костюмы, юрты, сэрге, народные ансамбли. Напрашиваться на свадьбу не советую, ничего такого, как в фильме «Горько», там не будет. Якутские свадьбы поспо- койнее русских, даже нудноватые местами. Кстати, снимать свадьбы и юбилеи меня не зовут. Жалко, потому что я люблю снимать портреты – как люди нарядились, накрасились, как сидят скучают. Там же очень разные люди собираются, человек по двести, многие из сел приез- жают. Сидит девушка в Prada с ног до головы – и рядом с ней родственница из улуса. Я такое люблю гораздо больше, чем веселые конкурсы. Якуты вообще не очень эмоциональные. Вот я не думаю, что произвожу на вас впечатление сверхэмоционального и сверхобщительного чело- века, но по якутским меркам я именно такой.

– Насколько небезопасно путешествовать по Якутии без провожатого? Можно ли потеряться или встретить диких животных?

– Потеряться можно. В лесах постоянно даже местные теряются, МЧС и поисковики ищут регулярно. Медведей и волков даже под Якутском можете встретить. А в криминаль- ном смысле все достаточно спокойно. Зато запросто можно обморозиться. Довольно часто это происходит с иностранцами. Просто приезжают без теплой одежды. Возьмите подштанники. А лучше еще одни подштанники. И большой пуховик. Если ты правильно одет, то в минус 50° С можно легко гулять час или два. Никаким барсучьим жиром натираться не нужно.

– Насколько вообще Якутия – в смысле инфраструктуры – готова к внутрен- нему туризму?

– Инфраструктура? Вы как будто желаете плохого якутскому туризму. Отсутствие инфра- структуры – наше лучшее украшение. Ее в Турции и Египте навалом. Сюда люди приезжают за экстримом: интересно посмотреть, как живет самый холодный регион в мире, как люди умеют приспособливаются.

– И, наконец, когда ехать к вам – чтоб и не замерзнуть, и мошкara не сожрала?

– Зимой. Попробовать, что такое мороз минус 50° С. Можно не на пике, в марте: будет минус 30° С – хорошая весенняя погода. Мошкara в минус 30° С точно не будет.

Якутск – это столица Якутии, мы живем здесь так же, как живут люди в Чите или в Крас- нодаре. Только на улице минус 50. Но есть север Якутии, где природа и быт людей как будто застыли во времени. Эвенки, конечно, совершенно иначе живут. Наша жизнь крутится вокруг нас самих, их жизнь – вокруг оленей.

Якутия огромная. Пять Франций по площади. Я якут, но не видел всей Якутии. На севере я еще не был. Это непросто. Во-первых, финансы. Авиабилет из Якутска в Верхоянск – около 25 000 рублей в один конец. Можно несколько раз слетать в Москву. Но как фотографа меня не это волнует. Творческие страхи. Север Якутии – это мечта фотографа, роскошная фактура, так что снимали там не раз, в том числе сильные фотографы с мировым именем. И я даже не знаю, что я смогу нового предложить. Ну и, как всегда, переживания, что люди не откро- ются, что не смогу их расположить. Но все равно, рано или поздно обязательно поеду.

Мой последний фотопроект – Сахавуд. Ежегодно в Якутии снимается 10—15 полнометражных картин. В основном снимают летом. Большею частью комедии и ужасы на якутском языке. Конечно, я нормальный человек и не жду увидеть там Тарковского или Звягинцева. Но из полутора десятков два-три фильма можно посмотреть без слез и даже с удовольствием.

Мне очень нравится фильм 2017 года «Костер на ветру». Все якутские фильмы малобюджетные – пара миллионов рублей в лучшем случае, а этот, говорят, вообще сняли за 300 тысяч. Фильм не окупился. Но фестивальное успех был. Потому что видно, что сделано с душой. Режиссер фильма Дмитрий Давыдов – учитель в сельской школе, который просто вел кружок, со своими учениками снимал ролики и маленькие фильмы, а потом понял, что хочет сделать настоящий фильм. Просто придумал и снял все это с непрофессиональными актерами. О том, что его волнует, о жизни села, о проблеме алкоголизма. Там парень случайно убивает друга, не выдерживает и совершает самоубийство. Его отец начинает приглядывать за пацаном-беспризорником. А отец его друга никак не может успокоиться, ненависть его сжирает. Но не буду все рассказывать. Посмотрите, хороший фильм.

Второй фильм – «Надо мною солнце не садится» – про парня, которого отправили для перевоспитания на остров. А иначе он целыми днями сидит в соцсетях и пилит вайны. На этом острове он знакомится со старичком, и начинается самое интересное – история их отношений. Этот фильм очень хорошо приняли на Московском международном кинофестивале именно из-за игры актеров. Они как будто не играют, просто живут. Старичка играет очень популярный якутский актер Степан Петров. Ему 75 лет. До 70 лет человек вел спокойную жизнь в улусе, играл в Кердемском народном театре. Потом снялся в фильме «Царь-птица», а фильм взял Гран-при 2018 года на ММКФ. Степан Дмитриевич стал звездой. Он настолько у нас популярный, что его в рекламе снимают: висит на билборде, молоко рекламирует. Я ездил к нему домой, в его улус. Целый день с ним провел, снимал его, общался. Никакой звездой, он себя, конечно, не считает, но внимание к нему повышенное теперь. Приезжали ребята с «Радио Свободы» и сняли про него целый фильм «Двойная жизнь Степана Петрова»: вот он на красной дорожке фестиваля, а вот в своем улусе пьет чай с женой и кошкой. Он, правда, классный, спокойный, душевный, похож на шаолиньского учителя из старых китайских боевиков. Хочется, чтобы это был твой дедушка.

Режиссер фильма Любовь Борисова раньше работала в банке. Это обычная история – бухгалтеры, учителя, которые снимают якутское кино. Тех, у кого специальное образование, кто во ВГИКе учился, по пальцам одной руки можно пересчитать. Остальные сами дошли до режиссуры. Решили что-то сделать, высказаться. Или просто денег заработать. Иногда в республиканском прокате якутские фильмы обходят голливудские по кассе. Потому что есть такое понятие – якутский зритель. Он любит все якутское, он благодарный, он всегда поддержит своих. Даже если фильм провальный. Гораздо интереснее ему будет смотреть якутское барахло, чем барахло голливудское или русское.

Мне вообще кажется, что якуты – исключительно творческие люди. Это из-за жизни на окраине, на периферии. Если жить одной рутинной, тянуть ляжку на работе с 9 до 18, можно сойти с ума.

Считается, что якуты напористые и хитрые. Условия жизни непростые, поэтому излишний такт может тебе помешать. Но шутить о себе якуты не очень любят, оберегают свою идентичность, свою самобытность, иногда даже слишком агрессивно. «Не знаешь якутский язык? Какой ты якут!», и все в таком духе. Я знаю якутский, но я вырос в 90-е, тогда считалось, если ты не говоришь на русском, то ты гопник необразованный. Сейчас, конечно, иначе. Русский изучают в школе, но в улусах его немногие знают в совершенстве.

У якутов есть привычка держаться вместе. И немножечко избегать лишней ответственности. Мы исповедуем тенгрианство, мы язычники, когда надо, просим помощи у духов, у сил природы. А значит, меньше полагаемся на себя, как будто делим ответственность: я немного

постараюсь, а дальше мне помогут силы земли или огня. И действительно помогают. Я провёл девять месяцев на площадках Сахавуда, присутствовал на съёмках семи фильмов. И перед каждой новой локацией киношники кормили землю или огонь, чтобы все сложилось удачно.

В киносъёмках вообще нет ничего интригующего. Пять минут снимают – потом полтора часа курят, меняют свет, обсуждают что-то. Очень скучная работа, рутина. В общем, как и у фотографа. У меня только во время пандемии 2020 года началась бурная жизнь. Я начал работать курьером.

Сразу нашел тему нового фотопроекта. Нужно снимать якутские подъезды, самые душевные подъезды в мире. В некоторые дома попадаю, не могу понять, где я: какие-то книги, диванчики, игрушки, бесчисленное количество горшочков с цветами. Это умиляет, все такое наивное, но очень родное. Ковры на стене вышли из моды, но эта эстетика переехала в подъезд.

Раньше я работал в республиканской детской газете «Юность Севера» – звучит странно и необычно, как привет из прошлого. Так и есть, это газета из советских времен, раньше называлась «Будь готов». По образованию я филолог, учитель русского языка и литературы, но в школе работать не хотел, хотел писать. Пошел в детскую газету, потому что в какой-нибудь модный журнал идти было страшно. В основном мы освещали детские мероприятия, ездили по улусам, вели просветительскую работу, разговаривали с детьми. В общем, газета не для детей, а скорее про детей. Не могу сказать, что я там стал писателем, зато понял, что хочу фотографировать. Понял, что мне интересны люди, какие-то простые и при этом неожиданные ситуации.

Людей в Якутии волнует то же самое, что и всю Россию. Пандемия сейчас волнует. А вот, скажем, пенсионная реформа – нельзя сказать, что здесь этим все озабочены. Мы все равно уйдем на пенсию раньше, чем остальная Россия. Шучу, дело не в этом. Просто мне кажется, какая-то повседневная, бытовая повестка нам ближе. Митинги в Москве? О'кей. Но в Якутии какие митинги? В минус 40—50° С? Но, кстати, я видел у нас митинг оппозиционеров: человек двадцать собралось на площади в 40-градусный мороз. Постояли немножко. Смотрелись здорово, я снимал.

Автор Екатерина Максимова / фото Алексея Васильева

**«Мы просто забыли закрыть калитку,
и это стало моментом рождения музея»
Создатель Музея чак-чака в Казани Дмитрий
Полосин – о том, как свадебное лакомство может стать
делом всей твоей жизни и магнитом для туристов.**

В 2014 году супруги Дмитрий и Раушания Полосины открыли в Казани Музей чак-чака – купеческий дом, в котором воссоздали атмосферу традиционного татарского быта. Музей, один из первых частных в Казани, довольно скоро стал любимым местом туристов. Мы поговорили с Дмитрием о том, как, рассказывая историю одного блюда, можно познакомить гостей с вековыми традициями большого народа.

– Музей – это наше совместное с Раушанией детище. Вместе задумывали этот проект, вместе делаем. Я родом из Пензы, но долгое время работал в Москве в автомобильном бизнесе, жена – тоже. В 2008 году случился мировой кризис, и обе наши компании закрылись. Но что важнее, случился и кризис личный: надоело быть наемным работником, захотелось создать что-то свое, что-то интересное и стоящее.

Супруги Дмитрий и Раушания Полосины

Мы с Раушанией всегда любили путешествовать, успели пожить в разных городах. В таких поездках приобрели кучу друзей. И когда мы осели в Казани, они стали ездить к нам в гости. Поначалу мы устраивали для друзей простенькие обзорные экскурсии, но постепенно приходили к мысли музея. Окончательно к этому нас подтолкнуло посещение Музея коломен-

ской пастилы. Оказавшись там, поняли: вот оно! Что-то подобное нужно обязательно создать в Казани.

После этого мы два с половиной месяца буквально жили в Ленинской библиотеке в Москве. С утра до ночи штудировали литературу, чтобы найти хоть что-то о чак-чаке и татарском быте. Работники Ленинки каждое утро вывозили нам по тележке книг. Мало того, что связанные с татарской культурой книги не переведены в электронный формат, в них еще и очень мало информации. Татары – достаточно закрытый народ, не особо любят делиться семейной историей. (Знаем это по себе. Я, правда, татарин лишь на четверть, а Раушания – из настоящей татарской семьи.) Поэтому нам приходилось прочитывать две-три книги, чтобы найти в них всего один абзац или даже строчку с упоминанием татарского обряда или блюда.

Чак-чак – самое распространенное национальное угощение, но никак при этом не популяризируется. И мы решили рассказывать о быте и традициях татарского народа, обо всем, что с ним связано, через чак-чак.

На тот момент в Казани работал всего один частный музей. Мы написали бизнес-план, сделали красивую презентацию и отправились в республиканское минкультуры. «Хорошая идея, ребята. Давайте делайте», – сказали нам, и на этом все. В минэкономки сказали, что денег на нецелевой проект выделить не могут, в банках – что это рискованный бизнес, и кредит под него не дадут. Но мы горели своей идеей – и решили рискнуть.

Заняли около 50 тысяч рублей, купили на них все самое необходимое на момент открытия, многое делали своими руками. А со всем остальным нам помогали друзья и просто хорошие люди.

И еще нас очень поддержал туристско-информационный центр Казани. Его руководитель Наталья Абрамович – единственная, кто сразу откликнулся на наше письмо. Она включила нас в информационную карту для гостей города и республики. Второй человек, который нам помог, – помощник президента Татарстана Олеся Балтусова (курирует вопросы сохранения исторического и культурного наследия). Она помогла подобрать нам дом в Старо-Татарской слободе (ул. Парижской Коммуны, 18 а), где мы сейчас и работаем. В XIX веке он принадлежал бакалейщику, купцу второй гильдии Вафе Бигаеву.

Открылись мы... случайно, в сентябре 2014 года. Уже были оформлены интерьеры, написана программа, но все еще хотелось что-нибудь доделать. Мы были внутри музея, а калитку на улицу забыли закрыть. Мимо проходили туристы, зашли и спросили, что это у нас. И мы на них решили испытать свою экскурсию. Им очень понравилось, похвалили нас. Затем зашли новые гости, и мы опять пригласили их на экскурсию. Эти случайные прохожие и дали нам понять, что пора начинать работать. А так-то мы просто забыли закрыть калитку (*смеется*).

За все шесть лет работы мы ни разу не потратились на рекламу. Все узнают о нас по сарафанному радио.

В туристическом бизнесе есть такой важный показатель – сколько раз человек возвращается в то или иное место. Наш рекорд – некоторые гости приходят к нам по 5—7 раз вместе с родственниками и друзьями. Всего за 6 лет музей посетили 95 тысяч человек. Уверен, было бы и больше, но мы просто упираемся в ограничения по вместимости.

Наш музей – это двухэтажный татарский купеческий дом площадью 200 кв. метров с двумя входами: на мужскую и женскую половины. У нас нет экспонатов в традиционном понимании, нет витрин и ограждений: все предметы можно трогать, брать рассматривать, на мебели можно сидеть. Мы просим гостей снять обувь на входе и приглашаем их в дом как дорогих друзей. Экскурсия длится час. Программа включает чаепитие с тремя сладостями, одна из которых восстановлена нами по старинному забытому рецепту.

Это теперь чак-чак стал просто угощением к чаю, а испокон веков он был обрядовым свадебным и праздничным блюдом. Хлебозаводы адаптировали рецепт под массовое производство, но фабричное тесто, конечно, никогда не сравнится с ручной работой. Правда, и сей-

час чак-чак по-прежнему выносят на любой свадьбе в Татарстане, даже не у татар, как символ приверженности традициям. Желают, чтобы семья была крепкая, как чак-чак, и большая, как число кусочков в нем.

Мы в музее делаем чак-чак вручную, и он получается мягким и воздушным, но при этом остается крепким, не разваливается. Рецепт очень простой: мука, яйцо, соль, немного соды, тесто жарится в масле и перемешивается с медово-сахарным сиропом. Традиционный чак-чак украшают узорной татарской пастилой. Есть совсем старинный рецепт, один из этнографов писал, что его могли позволить себе самые богатые татары. Это чак-чак из обжаренного миндаля в медовом сиропе, богато украшенный пастилой. Безумно дорогое выходило кушанье.

У нас много аутентичных предметов татарского быта. Вот казан с полукруглым дном, он вмуровывался в печь и топился отдельно. Вот старинные сундуки. Но самое большое впечатление на современных детей производит патефон. Девайс, который работает совсем без электричества (*смеется*).

А вот, напротив, очень современный экспонат – чак-чак, побывавший в стратосфере. Ребята из республиканского Фонда поддержки предпринимателей сделали нам такой подарок: на геозонде подняли капсулу с чак-чаком на высоту 30 километров.

Что бы я мог сказать тем, кто решится пойти по нашему пути? Если вы хотите открыть музей, чтобы просто заработать денег, лучше сразу откажитесь от этой идеи. Музеи – не та сфера, где можно обогатиться.

Но самое главное: если решили открыть музей, ничего не бойтесь, не ищите подводные камни, берите и делайте. Если постоянно на кого-то оглядываться, к кому-то прислушиваться, переживать, откуда брать деньги, вы никогда не начнете работать. Считаете, что это дело вашей жизни? Нужно просто воплощать его и ни о чем другом не думать.

Автор Виктория Сафронова / фото из архива героя

Как спасали львенка Симбу и другие удивительные истории из практики доктора Даллакяна К нему в Челябинск со всей России везут на лечение диких животных.

Карен Даллакян, пожалуй, самый известный российский ветеринар, спасающий диких животных. Его пациенты – жертвы курортных фотографов, передвижных зоопарков и цирков шапито. Искалеченных, смертельно больных тигров, львов, пум, леопардов везут к нему в Челябинск (Фонд зоозащиты «Спаси меня» и приют для диких животных-инвалидов) со всей страны. Потому что знают: если ситуация безнадежная, возьмется только Даллакян.

– Я слышала, у вас во время пандемии страшная история приключилась: привезли полумертвого львенка с Кавказа.

– Так мы его сами и привезли. Авиакомпания долго не соглашалась транспортировать львенка, потому что он был в очень тяжелом состоянии, а лететь надо было по сложному маршруту: Махачкала – Москва – Челябинск. В итоге согласились, но только с условием, что я сам полечу и буду лично контролировать загрузку-выгрузку. Он же еще и не в самой Махачкале был, а в 80 километрах от нее, в дагестанском городке Избербаш.

Доктор Даллакян и амурский тигр Гектор

Там было так: сначала некие волонтеры связались с основателем крымского сафари-парка «Тайган» Олегом Зубковым, спросили, может ли он помочь львенку. Олег ответил, что не занимается больными животными, а когда посмотрел фотографии и видео, сказал, что помочь может только Даллакян. Когда они вышли на меня, я понял, что счет идет буквально на дни. И несмотря на пандемию, ограничения и риски, мы решили, что поедем. С покуп-

кой билетов помогла наш друг Юлия Агаева, гендиректор челябинской туркомпании, она еще и полетела с нами вместе. В Избербаше мы увидели страшную картину: львенок действительно был при смерти. Полиция установила, что сначала он «работал» у фотографа в Туапсе. Тот уверял, что передал нормального львенка каким-то людям, которые увезли его в Северную Осетию. Оттуда львенок попал в Чечню, а дальше в Дагестан.

20 марта мы привезли его в Челябинск. Отмыли. И обалдели от количества язв и пролежней. На второй день выяснилось, что у львенка еще и острая кишечная непроходимость. Пришлось экстренно оперировать, он буквально сдувался на глазах. Кишечник был забит кусками тряпок, целлофана, пластиковых поддонов. То есть ему в клетку просто бросали всякий мусор, а он глотал.

Рентген показал переломы бедренных косточек. Сам бы он себе лапы так не сломал. Били тупым предметом. Так фотографы, желая ограничить движения своего «аксессуара для фотосессии», ломают ему лапы. Чтобы животное все время лежало.

– У этой истории счастливый конец?

– История со спасением львенка получилась такой резонансной, что нами заинтересовались международные фонды и доктора из Африки, которые занимаются лечением львов. У нас с ними были онлайн-консультации. Скоро наш львенок встал и сделал несколько шагов. Нам сказали, что терапия правильная, но необходимо ограничить его в движении. Мы посадили Симбу в клетку два на два метра.

Да, полиция установила, что раньше его звали Арчи, но мы с этим именем не согласны, нам оно не нравится. Назвали Симбой. Чтобы у львенка поменялась судьба, чтобы все плохое осталось там, со старым именем, а все хорошее было связано с именем Симба. Мы также знаем, что родился он 15 июня, и именно в день рождения мы впервые разрешили Симбочке побегать по приюту. Знаете, это было похоже на танец, он будто плясал от радости.

Следующий этап спасательной операции – отправка Симбы на историческую родину, в Африку. Страну мы пока не озвучиваем, сейчас идут переговоры. В ближайшее время к нам в Челябинск приедет посол этой страны, он должен своими глазами увидеть спасенное животное. А затем Симба поедет в африканский реабилитационный центр, куда попадают звери, которые не могут быть выпущены в дикую природу.

– Я знаю, что Симба поедет на родину не один.

– Да. Вместе с ним в Африку отправится африканский леопард Ева. Она родилась в передвижном зоопарке год назад, мама убила одного новорожденного, а Еву спасли и в трехдневном возрасте передали нам. Я выходил ее из соски. И вот когда настало время возвращать ее хозяевам, на нас, как манна небесная, свалилась передача «Секретный миллионер» (телеканал «Пятница»). Телевизионщики спросили у нас, чем можно помочь приюту, и я сказал, что главное мое несчастье – это возвращение животного, которое ты выходил, в передвижной «зооад», как я эти зоопарки называю. Тем более в 2020 году вступили в силу поправки к закону «Об ответственном обращении с животными», согласно которым передвижные и контактные зоопарки уже не имеют права работать. То есть дальнейшая судьба леопарда была бы такая: либо продали бы как вещь, либо отдали дрессировщикам. А те станут заставлять его делать то, что дикое животное делать не должно.

Мы уже собирались объявлять сбор денег, чтобы выкупить Еву, но нам неожиданно помог секретный миллионер. Теперь леопард наш. Но я не коллекционирую животных. Мое дело – вылечить их. Африканские животные должны жить в Африке, и мы решили: где один пассажир, там и два. Повезло, что леопард – девочка, мальчика бы они не взяли. У этого реабилитационного центра есть программа репродукции, и все тесты, которые мы сделали по просьбе африканских коллег, показали, что Еву можно выпускать в дикую природу: все охотничьи инстинкты у нее сохранены. То есть она улучшит популяцию. Единственный минус в том, что людей она принимает за своих. А это одна из главных причин гибели животных –

когда они без страха выходят к людям. Поэтому с Евой будут еще работать специалисты африканского центра.

– Благодаря этим поправкам в закон «Об ответственном обращении» (вступили в силу с 1 января 2020 года) звери в России теперь защищены лучше?

– Закон есть, но он не работает. Вроде вот оно, преступление, но людей, которых наказывают, нет. Есть много примеров, когда краснокнижные животные умерли, известен преступник, а уголовное дело не заводят, потому что сложно доказать умысел. В законе все очень поверхностно описано. Вот, например, появляется объявление о продаже филина. Человек нашел птицу, всю в мазуте, он неделю держит ее в ящике, кормит моченым хлебом, а потом выставляет на продажу за три тысячи рублей. Мы делаем контрольный закуп под камеру, изымаем филина. Спасти, к сожалению, не получилось, птица была отравлена нефтепродуктами. А полиция говорит: «Не было умысла!» Так вот же он, умысел – продажа за три тысячи рублей! Человек ненадлежащим образом содержал филина, не обратился за помощью ветеринаров, вместо этого выставил на продажу. Но уголовного дела нет.

За животных должно отвечать государство. И это как раз есть в новых поправках в Конституцию. Я уверен, что когда основной документ страны будет иметь такой пункт, то под него однозначно будут меняться и законы, которые принимались на коленке просто под давлением зоозащитников. А пока за судьбу филина, львенка, леопарда не отвечает конкретный чиновник, мы будем получать вот такие вопиющие ситуации. *(30 июня в Дагестане все-таки было возбуждено уголовное дело по факту жестокого обращения с львенком Симбой. – «Нация»).*

– Насколько сложно лечить диких животных с их огромными зубами и когтями? Или они понимают, что вы их спасаете, и не причиняют вам вред?

– Это очень опасные пациенты. А главное, злопамятные. В приюте есть тигр, которого мы лечили еще совсем маленьким. Я ставил тигру болезненные уколы в суставы, а мой племянник помогал его держать. И вот хотя уже больше года прошло, если мой племянник подходит к его клетке, тигр рычит на него, пытается схватить. И это уже на всю тигриную жизнь он запомнил.

– А почему они на вас тогда не нападают? Уколы же вы ставите.

– А я стараюсь всякими хитростями побеждать. Если делаю уколы, то даю пациентам игрушки грызть. Симбе ставили по шестнадцать уколов в день, то есть шестнадцать раз в день мы делали ему больно. И когда появились первые улучшения, когда он смог двигаться, то стал на меня нападать – защищаться от боли. Я руки спасал от его зубов с помощью мягких игрушек. Ассистент с ним играет, я в этот момент ставлю укол, и Симба всю злость направляет на игрушку. У нас для этого были плюшевые медведи, черная пантера, а еще одна горожанка с сыном принесли в приют игрушечную львицу. Симба очень любит с ней играть.

Лев – это не собака, которая понимает команды, его нельзя привязать и фиксировать за ошейник. Четыре здоровых мужика иногда не могут такую «кошку» удержать.

– Сколько в вашем приюте животных?

– Около 200 домашних: кошки, собаки, куры, козы и 47 диких. У каждого своя история. Самые громкие, резонансные, случаи, кроме Симбы и Евы, – это пума Атос, жертва циркашапито (его закрыли в одной клетке с леопардом, два хищника не поделили территорию – Атос потерял лапу), рысь Марьяся, жертва браконьеров и халатности надзорных органов (попала в капкан – и тоже осталась без лапы), амурский тигр Гектор – его малышом украли в Оренбурге из передвижного зоопарка из-под мамы-тигрицы, порвав ему при этом связки. Преступник – гражданин Казахстана. Получил 10 месяцев в колонии общего режима и штраф 600 тысяч. Но это за попытку кражи. А то, что он животное оставил инвалидом, ему никак не вменили.

– Как вы себя чувствуете, когда приходится спасать краснокнижное животное? Возможно, «последнего из». Волнение и ответственность усиливаются?

– «Последние из» – это, наверное, как раз амурские тигры, которых осталось всего шестьсот в дикой природе. Не зря лично президент контролирует их сохранение. Да, это огромная ответственность.

– Вы лично скольких амурских тигров спасли?

– Семерых. Пожалуй, самая душещипательная история у тигрицы Ады. Пострадала в цирке тигренком. Девочка с Адой фотографировалась, тигренок зарычал – девочка испугалась и уронила его на бетонный пол. У тигренка серьезное повреждение позвоночника. Мы выходили. Сейчас Ада живет у дрессировщика Цирка Никулина, даже в кино снялась – в фильме «Скорый «Москва – Россия» со Светлаковым.

Лечить – это одно, а есть еще реабилитация. Попробуйте животное держать на соответствующей диете, найти нужные продукты в городе. Но зато потом, когда ты их выходишь и выпускаешь, особенно в дикую природу... Вот лебеди – после длительной терапии полетели над озером. Вот рысь, которая попала под машину, через год реабилитации убегает от тебя в лесную чащу. Останавливается, поворачивается и смотрит тебе в глаза, будто бы с благодарностью. И уходит в лес уже навсегда. Когда тебе удастся вывести животное из тяжелого состояния – это всегда большая победа.

– Карен, я по-простому спрошу. А вот когда люди такое с животными творят, вам не хочется дать им в морду?

– Конечно, хочется. Но им не в морду надо, им бы другое наказание. И оно уже есть. Всех их не минует божья кара. Где все эти передвижные зоопарки сейчас? Разорились, обанкротились. Коронавирус помог. А они ведь ничего больше не умеют, кроме как мучить зверей, поэтому стали попрошайничать, просить помощи. Но пришло время отдавать долги. Они обязаны сейчас продавать свои машины, свои золотые цепочки, чтобы прокормить зверей. Цирки с животными не запрещают, но к 2022 году для всех цирков, всех зоопарков вводят более жесткие нормативы. И уже сегодня владельцы частных зоопарков объединяются в коалиции и начинают жаловаться, что эти требования невыполнимы, это очень дорого, что во время пандемии они не зарабатывали и вынуждены будут прекратить работать. Пусть прекращают. А если хочешь работать, обеспечить все требуемые условия. Я очень часто как ветеринар бывал за кулисами цирка. Лечил и слонов, и бегемотов – кого только не лечил. Я вам точно скажу: все их болячки от неправильного содержания. Без слез не взглянешь, в каких условиях они там сидят, в этих клетках. Владельцы цирков же никого за кулисы не пускают, а если нанимают местных рабочих на гастролях, то отбирают у них телефоны, чтобы никто ничего не мог снять. Да, на арене – красивая картинка, а что внутри творится – это страшно.

– Кого из своих животных вы не можете забыть? Так что до сих пор комок в горле. Кроме вашего «первенца» Жорика, конечно. (С амурского тигра Жорика, жертвы передвижного зоопарка, Даллакян и начал лечить диких животных десять лет назад. У тигренка буквально сгнила морда, доктор выхаживал его полгода, а когда готов был отдать хозяевам, те сказали, что тигр теперь «некрасивый», зрителям такого не покажешь, и они его усыпят. Тогда Даллакян бросил клич, и челябинцы собрали 150 тысяч рублей. Жорика выкупили, а затем отправили в тайгу, в центр реабилитации диких животных. – «Нация».)

– Они все мне одинаково дороги. Жорик... Лола... Это львица, которая сейчас живет в парке «Тайган». Ее держали на пляже, чтобы завлекать посетителей. С наступлением холодов она стала не нужна, и женщина, которая за ней ухаживала, тайком позвонила нам: «Забирайте, а то усыпят». Мы привели Лолу в порядок, отправили в крымский сафари-парк – и она там стала звездой номер один. Наша Лола обнималась с туристами, облизывала их.

Эти животные обижены людьми, пострадали от людей, но в нашем центре удастся вернуть им доверие к хомо сапиенс.

А Жоре сейчас уже одиннадцать лет. Это огромный тигрище, можно сказать, в возрасте уже: они ведь в неволе живут лет двадцать. Никаких невест ему не досталось. Закон такой, что если тигр рожден в неволе, то с дикими тигрицами ему нельзя. Хотя тигрицы приходят к нему в гости. Сделали себе лежбище перед его вольером и общаются через решетку. Я ездил к Жорику недавно, 1 мая, на его день рождения. И он так же плакал и облизывал мне руки, как тогда, когда был еще маленьким котенком. Такие звуки издавал, надо было слышать, этот рык на расстояние семи километров по тайге расходится. Он показал мне, что у тигра есть душа. Его же никто не ласкает сейчас, к нему люди не подходят, только кормят раз в день. Это самец, который никого не признает, живет сам по себе. А тут, простите, приехал какой-то человек, с которым он детство провел. И что? А он плакал. Хотя был голоден, бросил свое мясо и пошел ко мне. Выбрал не еду, а друга-человека. Это о чем-то говорит.

Автор Дарья Максимович / фото Кристины Высоцкой

Истории про телохранителей русских императоров да под соленые огурцы с медом Директор центра «Донская казачья гвардия» Ирина Романова – о возвращении в Ростов старинных угощений и роли казаков в мировой истории.

Культурно-выставочный центр ДГТУ «Донская казачья гвардия» появился в Ростове-на-Дону четыре года назад, но известен уже и за рубежом. Музей с живыми рассказами о том, как казаки-гвардейцы были телохранителями российских императоров, в стране один. И только здесь гостей угостят казачьими закусками XVII века.

– Наш штат – это всего три человека безо всякого музейного опыта, без знания канонов, – рассказывает директор центра Ирина Романова. – Я – юрист, работала в банке, Максим Волков – историк, Наталья Калмыкова – бывший педагог. Мы решили, что будем делать так, как нам нравится, – вот и весь критерий.

Идея с угощениями родилась спонтанно: мы только пару недель как открылись, и вот везут к нам серьезную иностранную делегацию, которую «надо хорошо встретить». Стали думать. Было бы здорово их угостить. Но чем? Николай Новиков, собственник коллекции, говорит: «Ребята, а сало с чесноком?» Ведь это известный казачий «сухой паек». Тут я вспомнила: «А соленые огурцы с медом?» Распространенная закуска на Верхнем Дону. А «кохфий с оселедцем»? Это нижнедонская традиция XVII века пить кофе в полдень, закусывая его малосольной селедкой: рыбы в Дону тогда было много, а кофе прижился здесь вместе с женами-турчанками.

У нас нет туристов, посетителей, клиентов. У нас только гости. И мы каждому гостю рады, как родному. Как-то приехал из Варшавы достаточно пожилой поляк, профессор, показывает нам «Тихий Дон» на польском, 1967 года издания, затертый весь. Говорит: «Это моя любимая книга, но я не понимаю эти слова, не нашел перевод!» Мы сели и давай объяснять ему, там ведь гутор сплошной. А я самая что ни на есть верхнедонская казачка.

Мама моя с хутора Чиганаки. Название какое, да? Дедушка, Попов Александр Никитович, – известный лесничий в Вешенском районе, половина сосен в заповеднике посажена его руками. Все родственники оттуда. И говор. Говорят у нас: «Ну, дык тока заболванело, я уж на баз бегу». Спрашиваем у гостей: «Как вы думаете, что у нас, на Верхнем Дону, значит „заболванело“?» Никто не угадывает. А это – «расцвело». Или вот актуальное сегодня слово «очунелся». «Ну чаво, милая моя, очунелась али все ляжишь?» То есть очнулась, выздоровела. Гости наши в восторге. И своим делятся, например, сибирским говором.

Иностранцы всегда очень удивляются такой закуске, как соленые огурцы с медом, робеют. Кто сразу смело пробует – так это бразильцы и мексиканцы (приезжали к нам во время ЧМ). Один мексиканец, впечатлившись, даже поклялся, что введет это блюдо в меню своего ресторанчика в Гвадалахаре. Представляете? Донское казачье блюдо в Мексике! А как-то у нас был крупный банкир, услышал про кофе с селедкой, округлил глаза: «Это как же? Вы селедку прямо в кофе варите?» Но никто ни разу сказал: «Фу, гадость». Даже дети едят, да еще как! В книге отзывов есть смешная запись от десятилетнего ребенка: «А угощение – три звезды Мишлен».

Директор центра «Донская казачья гвардия» Ирина Романова

Начинался центр с одного человека – ростовского историка Николая Новикова. Со студенческих лет он интересовался элитными казачьими полками, охранявшими семерых российских императоров и героически отличившимися по всех войнах нашей империи за два столетия. Два полка русской императорской гвардии формировались только из донских казаков. Но поскольку в Гражданскую большинство из них воевали на стороне Белой армии, то были вымараны из истории. Даже на семейных фото лица казаков затирались. И вещей осталось мало, ведь казаки, придя с войны, в той же одежде сеяли, пахали, и она просто истлела. Но Новикову везло.

Один из самых ценных наших экспонатов – подлинный мундир урядника с клеймом «Лейб-гвардии Казачий полк, 1-я сотня. 1914 год». Новиков нашел его еще в 1990-х в жутком виде: мундир служил костюмом гусара в Доме культуры. Николай несколько лет восстанавливал его буквально по пуговице. А потом увлекся – и за без малого 30 лет собрал по стране и за рубежом более 400 редчайших артефактов. И вот представьте, что вся эта коллекция хранилась у него дома, в трехкомнатной квартире. Жена и сын терпели эти кофры, сапоги, фуражки повсюду.

Новиков постоянно обращался к властям города: дайте помещение под музей, пусть это видят люди! Ответы приходили такие: «Казачьих музеев в Ростове достаточно». А ведь ни одного не было. Однажды Новиков в Старочеркасской сделал выставку «Донская казачья гвардия в мундире», это совпало с приездом патриарха Кирилла, и тот остался под большим впечатлением. О коллекции узнали в Донском государственном техническом университете, рассказали своему ректору Бесариону Чохоевичу Месхи. Он очень заинтересовался.

ДГТУ вложил несколько миллионов, чтобы переоборудовать бывшее помещение библиотеки: это и бронированные витринные стекла, и ковры, и тяжелые шторы. Университетские преподаватели перевели экскурсии на пять языков мира. А поскольку центр при техническом вузе, то студенты разработали для нас программу дополненной реальности ZRENIE2.0, благодаря которой перед гостями оживают исторические события и персонажи. Стоит только навести гаджет на определенные точки на экспонатах. Новому поколению очень нравится.

Ни денег, ни славы от нашего центра не ждали, делали его как социальный проект. Ну кому сейчас нужны музеи, кто в них ходит? А к нам ходят и друзей приводят. Ведь людям необходимы не просто объекты, а личная история. Показываешь детям подлинник расписа-

ния учебной команды Лейб-гвардии Казачьего полка, говоришь: «А давайте сравним предметы 1910 года и ваши дневники. Полковой устав, закон божий у вас есть?» – «Нет». Читаем дальше. «Арифметика, спевка песенников?» – «Так это же математика и пение!». И это узнавание делает историю невероятно живой.

Вот традиционный фотонабор вышедшего в отставку в самом начале XX века лейб-гвардейца: портрет императора, которому он присягал, открытка раскрашенная, где сам казак и его конь, имя императора, казака и обязательно кличка коня. Такие деревянные фоторамки стояли в красном углу куреня – предмет гордости! Экспонат у нас давно, но стоило назвать его «дембельским альбомом», и теперь он «заходит» совсем иначе.

У нас есть много удивительных историй про казаков лейб-гвардии. Одна из моих любимых, «Атака казаков в голом виде», просто поражает природной смекалкой и храбростью. Но представьте мое удивление, когда однажды приходит к нам высокий бородатый мужчина, гость из Москвы, и с порога спрашивает: «А вы знаете что-нибудь про Венедикта Конькова?» Я говорю: «Да мы про него каждый день рассказываем!». – «А я – Кирилл Секретев, его прапрапраправнук».

Поразительный факт №1. Как казаки в голом виде атаковали французов

Случилось это в 1812 году, в Отечественную войну у реки Двины. Лейб-гвардии Казачий полк, которым командовал Василий Орлов-Денисов, прикрывал нашу отступающую армию, сдерживая французов. Ночью противники разбили лагерь на разных берегах Двины. Орлов-Денисов, заметив напротив огонь костра, понял, что один из вражеских пикетов отбил от своих. Почему бы не взять «языков»? Это дело он поручил поручику Венедикту Конькову. Коньков набрал 25 добровольцев и скомандовал: «Раздеться догола», «снять седла с лошадей». В минуту казаки придумали, как стать невидимками: ведь амуниция или сбруя могли выдать их случайным звуком. И вот, голые, с пиками в руках, беззвучно переплывают они на лошадях реку и захватывают французов без единого крика и выстрела. Пять казаков конвоируют «языков», а остальные двадцать во главе с Коньковым мчатся к лагерю неприятеля. Только представьте: три часа ночи, луна, тишина — и вдруг из темноты выскакивают голые тени на лошадях! Колют без разбора всех, кто попадется. И прежде, чем французы опомнились, казаки вернулись к своим не просто без потерь, а еще и захватив трофейных лошадей. Коньков за эту вылазку был награжден орденом св. Анны с короной.

Когда речь заходит о трагическом периоде эмиграции, мы показываем видео на песню «Уходили мы из Крыма» на стихи «казачьего Есенина» Николая Туроверова: там белый офицер, уходя на корабле, плачет, но стреляет в своего коня, который плывет за бортом. Это эпизод из фильма «Служили два товарища», иллюстрирующий сотни таких реальных случаев верности животного человеку. Эта сцена всегда вызывает оцепенение, даже детей пробирает. А однажды у нас была группа пенсионеров из Франции, и вдруг одна пожилая мадам начала просто рыдать навзрыд. Когда она успокоилась, мы спросили почему. Она рассказала, что ее дед – русский, белогвардеец, уходил в эмиграцию именно из Крыма. Он настолько любил своего коня, что обошел весь Севастополь, нашел семью, отдал им последние деньги и заставил поклониться на Библии, что они сохранят коня и он умрет своей смертью. Мурашки по коже, правда?

Личная история у нас есть даже в огурцах с медом. Огурцы мы берем только бочковые у моей соседки, через забор. Малосольные делаю сама. Мед – с пасеки родителей Натальи, нашего администратора.

Я перфекционист и должна быть уверена в качестве продукта. Поэтому сало солим сами, и оно не абы какое, а с кабанчика Боковского, экологически чистого района. Чеснок из моего огорода. Кручу все на старой механической мясорубке. Как-то муж меня пожалел и купил

кухонный комбайн: на, не мучайся. Но сало из комбайна совсем другое: и вкус, и консистенция. Так что я вернулась к бабушкиным методам. Я, как багаевский консервный завод: у меня плодовый сад, и варенье для гостей к чаю варю постоянно. В настоящем медном тазу. Вот сейчас абрикосовое, придете позже – будет сливовое, потом яблочное, грушевое.

Поразительный факт №2. Как казаки трех монархов от Наполеона спасли

Было это в крупнейшей битве под Лейпцигом, у нас она зовется «Битва народов» (с обеих сторон были собраны союзные армии), а у немцев «Лейпцигская резня» (полегло 115 000 человек). 1813 год. После поражения в России Наполеон собрал новую армию. Ему противостояли союзные силы, которыми командовали русский император Александр I, австрийский Франц и прусский король Фридрих Вильгельм. Войска сошлись в Саксонии, под Лейпцигом, и вот в ходе сражения Наполеон узнает о позиции ставки всех трех монархов. Убей он их — война выиграна! Бонапарт бросает в атаку 10 000 тяжелых кавалеристов – огромные лошади, стальные кирасы и каски, настоящие танки своего времени.

Позиция объединенной ставки – на холме, оттуда хорошо видно, как эти «танки» мощным тараном разносят пехоту, артиллерию и, несмотря на большие потери, неутомимо приближаются. В ставке паника, а за спиной у Александра I только личный конвой – четыре сотни лейб-гвардейцев: 300 донских казаков и 100 черноморских. Именно они и выскочили навстречу этим «рыцарям» с одними пиками наперевес. Кололи в уязвимые живот и подмышку, кололи лошадей – и напугали французов. Атака захлебнулась — монархи, да и вся Европа, были спасены. День этот отмечали подарками ежегодно, а полковника Ефремова, который возглавил казаков на поле боя, прямо на поле и наградили генеральской степенью ордена св. Георгия.

Мои хуторские детство и юность очень помогают в работе. Часто гости из других регионов интересуются традициями Дона, и мне есть что рассказать. Спросили недавно про казачью свадьбу, а я вспоминаю, как на Верхнем Дону катают тещу в садовой тачке. Как гости бьют оземь тарелку и пляшут, а невеста должна собрать все осколочки. Мне об этом читать не надо, я хорошо помню, как тридцать лет назад на собственной свадьбе мне руки оттоптали – по традиции надо собрать как можно больше черепков, пока все пляшут. А пляшут от души, пыль столбом.

Что вообще может быть интереснее и важнее, чем знакомить гостей со всего мира с традициями своей Родины? Это лучшая работа в моей жизни.

Донская кухня – это прежде всего рыба. Скажем, сазан, фаршированный икрой и квашеной капустой. Сотни рецептов ухи – щербы, как у нас говорят. И, действительно, есть уха из петуха, я-то раньше думала, что это просто выражение такое. Очень вкусные на Дону соленья: моченые яблоки, соленые арбузы, зарубанные (пересыпанные) капустой помидоры. А есть такое истинно казачье блюдо – моченый терен. Ягоды терна собирают в первые заморозки, плотно укладывают, придавливая, в кастрюлю, раньше – в махотку, глиняный горшок, и ставят в погреб. Все. Остальное делает натуральный сахар. Этим мы тоже угощаем, я привожу его из своего хутора Дуленков. Внимание к человеку играет большую роль: предложи гостю летом просто стакан воды с лимоном и мятой, и он тебя не забудет, а ведь это нетрудно совсем.

Поразительный факт №3. Как казаков под свадебный марш хоронили

Когда в 1877-м казаки-гвардейцы уходили на русско-турецкую войну, император Александр II наблюдал за построением войск из окна. «Только посмотрите, как весело собираются на войну казаки! Будто на свадьбу!» – сказал он своей свите. «Так давайте пожалуем им марш Мендельсона!» – предложил кто-то из генералов. Этот марш был тогда в большой моде. Сказано – сделано. С тех пор полк выходил на парады под звуки свадебных фанфар.

И когда уже в XX веке во Франции хоронили последних офицеров в эмиграции, то несли гробы под бравурные звуки марша. Французы были в шоке: русские не в себе – им что свадьба, что похороны, все одно!

Нам часто помогают друзья. Бескорыстно. На праздники к нам приходят сыновья наших знакомых: один учится в Ростовском колледже искусств, другой, 7-летний мальчишка, занимается в студии Ансамбля песни и пляски донских казаков. Оба поют, танцуют и даже фланкируют двумя руками («крутка» шашкой. – «Нация»). Или вот «Метелица», батайский ансамбль народной песни. Они и с бразильцами отплясывали, и с африканцами пели «Пчелочку золотую» – настолько отдаются этому! Профи работают идеально, мы их тоже приглашали: красивые, стоят ровно, поют в ноты. А эти, из «Метелицы», как черти из рукомойника, они без микрофона рвут всех!

Был в гостях у нас очень состоятельный англичанин, владелец банка, впервые в России. Очень всему удивлялся, не знаком был вообще с казачьей культурой. Удивление достигло предела, когда мы внесли наше угощение да грянул казачий хор. Но когда одна казачка, доиграв песню, еще и заговорила с ним на чистейшем английском, он практически упал. Ну просто она преподаватель языка.

Поразительный факт №4. Как казаки в свой мундир Николая I одели

По традиции всех императоров хоронили в генеральских мундирах лейб-гвардии Преображенского полка (императоры в нем числились). Но Николай I, единственный из всех императоров, завещал похоронить себя в казачьем мундире. Почему? А потому что ни один казак-гвардеец не участвовал в заговоре декабристов. Так он оценил верность казаков.

Деньги на развитие центра мы зарабатываем сами. Плата у нас смешная, детский билет – 100 рублей, аудиогиды на четырех языках – от 200, и я категорически против всяких повышений. Поэтому многое делаем своими руками: сами шили вот эти подушки для оттоманки, скатерти. Мы и на все выставки едем за наши заработанные деньги. Тащим на себе баллоны огурцов, меда, сало, тяжеленную эту мраморную кофеварку, посуду, костюмы, сапоги. И каждый раз говорим: все, это последний раз, больше не поедем. Но едем опять и опять.

Автор Ольга Майдельман / фото из архива героини

«Я подписал „отказ от жизни“ и отправился в первобытное племя» Путешественник и режиссер Леонид Круглов – о шаманах Крайнего Севера, воинственных племенах Океании и Долине динозавров.

У Леонида Круглова за плечами больше 40 экспедиций, 15 из них – в самые труднодоступные места земного шара. Мы попросили его рассказать о проекте «Семеро смелых» – серии путешествий по следам великих русских первопроходцев.

За 8 лет на каноэ, ледоколе, верблюдах, собачьих упряжках и других нетривиальных транспортных средствах Круглов посетил Эфиопию, Тибет, Новую Гвинею, Индию, Дальний Восток, Крайний Север и даже обогнул на паруснике весь земной шар.

– Думаю, все началось в раннем детстве, когда я мальчишкой зачитывался о путешествиях и приключениях. Хотел испытать все на себе, и сделал это, как только представилась возможность. Пришли 1990-е – в стране все перевернулось с ног на голову. Кто-то развивал бизнес, а я все свои средства, силы и время тратил на организацию первых путешествий. Прошло уже больше 20 лет – а я до сих пор только этим и занимаюсь.

Леонид Круглов с аборигеном Маркизских островов во время кругосветки

Турист от путешественника отличается тем, что приезжает на 1—2 недели и ничего не успевает за это время понять. Путешествие же – это всегда очень длительный процесс,

в котором желательно не спешить. Возможность научиться чему-то у местных – это, по-моему, вообще один из самых главных плюсов путешествий.

Меня всегда волновали такие места, где еще никто, ну, или почти никто не был. Однажды приснилось, что я иду по тундре и нахожу под кочкой круглые камни со старинными русскими письменами: «Здесь прошли экспедиции по следам первопроходцев...» Из этого сна родилась идея проекта «Семеро смелых». Я нашел самые интересные, с моей точки зрения, дневники великих русских путешественников и отправился по их маршрутам. В первой экспедиции, по Эфиопии, я был один. Точнее, начинал с напарником, но он заболел, и ему пришлось вернуться. Потом мне начали поступать тысячи заявок на участие в проекте, и в каждую следующую экспедицию добавлялось по одному человеку. В кругосветке нас было уже семь человек.

САМАЯ ОПАСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ПО СЛЕДАМ БУЛАТОВИЧА В ЭФИОПИЮ)

В 1899 году военный советник эфиопского императора Александр Булатович стал первым европейцем, который пересек из конца в конец Каффу (сейчас – провинция Эфиопии) и составил первое ее научное описание. Также стал вторым европейцем, который обнаружил устье реки Омо.

В Эфиопии я провел суммарно около двух лет. Сил и времени вести какие-то записи не было, поэтому я просто включал по утрам камеру, рассказывал о своих впечатлениях и снимал все вокруг – изможденный, исхудавший молодой человек в окружении голых людей с автоматами Калашникова. Этот видеодневник лег в основу фильма «Русская Африка» – одного из моих самых любимых.

Вообще та экспедиция до сих пор для меня самая важная и интересная. Больше всего запомнились две вещи. Во-первых, палочные бои – ежегодный турнир, в ходе которого выбирают лучшего воина. На турнир стекаются все окрестные племена. Палочный бой – это куча-мала, в которой с огромной скоростью летают длинные палки, почти что копья, – легко получить серьезное ранение. Я был шокирован, даже фотографии не смог толком сделать в такой обстановке: сбился компенсатор выдержки на камере, и все кадры оказались пересвечены.

К вечеру обстановка накаляется, люди разгорячены, взвинчены. Стрелкового оружия в этих местах очень много, рядом Уганда, Судан – беспокойный регион, идут локальные войны, а психология остается первобытной. И если кто-то недоволен результатами палочных боев и считает победу соперника незаслуженной, начинается перестрелка. Приходилось отползать, а вокруг свистели пули и падали убитые люди.

Хорошие кадры я все-таки сделал через год. Меня уже все знали, я смог войти в центр круга и снимать прямо изнутри.

Второй момент, врезающийся в память, – общение с вождем удаленного клана племени сурма. Мне нужно было получить разрешение на проход через его территорию. Мы сидели ночью посреди деревни на высушенных шкурах: вождь Бычий Хвост, я и мой переводчик – местный парень, которого миссионеры обучили английскому. Чуть поодаль – вооруженные жители деревни, которые внимательно прислушивались к нашему разговору. В какой-то момент вождь сказал: «Ладно, можешь пройти, только придется заплатить». Я спросил, сколько – он показал пальцем вверх: «Столько, сколько звезд на небе». Ну, это фигура речи. Да и платить мне было нечем, даже если бы я и захотел. У меня был единственный вариант – договариваться. В конечном итоге переговоры закончились тем, что я начал лечить местных. Очень примитивно: кому активированный уголь от болей в животе дам, кому зеленкой рану намажу. Слухи обо мне разлетались, народ поправлялся – эффект плацебо в действии. Долго

меня там держали, не хотели отпускать. Но, наконец, дали пройти. И таким образом я повторил путь Булатовича к реке Омо вплоть до ее устья на озере Туркана.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ДОЛИНУ ДИНОЗАВРОВ (ПО СЛЕДАМ ПРЖЕВАЛЬСКОГО ЧЕРЕЗ МОНГОЛИЮ В ТИБЕТ)

С 1870-го по 1883 год Николай Пржевальский совершил 4 путешествия в Центральную Азию, изучил территории Китая, Монголии и Тибета, исследовал горные хребты Северного Тибета, открыл миру новых животных и собрал огромную зоологическую коллекцию. Леонид Круглов повторил первый азиатский маршрут географа.

Экспедиция контрастов: по огромным степным пространствам мы прошли до Тибетских гор, из мира кочевников попали в настоящее королевство под названием Мустанг – место на Тибете, где время застыло много столетий назад. Удивительным образом там сохранились средневековые традиции: король с королевой живут во дворце, им служат придворные. Нам посчастливилось попасть на настоящий королевский пир – с обсуждением государственных дел, пением застольных песен и распитием напитков из одной чаши.

На границе Монголии и Китая я увидел, пожалуй, самое странное и одновременно прекрасное место на земле – Долину динозавров. Она знаменита на весь мир, там проходило множество исследовательских экспедиций. Представьте: застывшие волны красных скал, среди которых рассыпаны кости вымерших животных. Мы даже яйца динозавров там находили.

Мы привезли с собой паралет и, думаю, первые в мире сняли это место с воздуха. Чуть не погибли несколько раз. Когда ты уже набрал высоту, можешь спокойно спланировать, даже если двигатель откажет, благодаря мягкому крылу. А вот взлет – очень опасный момент, тем более запас высоты там небольшой – 30—50 метров. Нам нужно было несколько раз прыгать в прямом смысле с обрыва. И вот с двигателем, совершенно новым, начали происходить странные вещи. Разбирали его до винтика и ничего не обнаруживали. К счастью, он отключался не в самом начале взлета – это было бы смертельно опасно. Но все равно глох в самые неподходящие моменты – нам приходилось садиться в песчаных дюнах, а потом вдвоем с трудом тащить паралет. Тем не менее нам удалось облететь весь этот огромный каньон и сделать серию совершенно уникальных снимков.

Уже в Москве мы нашли проблему – муха в герметичном карбюраторе. Как она туда попала, ума не приложу.

САМАЯ ПЕРВОБЫТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ПО СЛЕДАМ МИКЛУХО-МАКЛАЯ В ПАПУА – НОВУЮ ГВИНЕЮ)

Николай Миклухо-Маклай открыл внешнему миру папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи, где трижды побывал в экспедициях в 1870—1880 годах.

Впервые в Папуа – Новую Гвинею я попал в конце 90-х, тогда только-только устанавливался контакт с племенем аборигенов, живущих на деревьях. Они строят дома на высоте 30—40 метров, на ночь забирают наверх собак и поросят, поднимают шаткие лесенки и прячутся сами. Так повелось с древних времен, когда нужно было остерегаться враждебно настроенных соседей. Охота за головами там – реальная традиция, которая была жива еще в конце прошлого века: чтобы дать имя новорожденному ребенку, нужно было отнять его у врага, то есть убить.

Перед тем как отправиться в джунгли, я подписал «отказ от жизни» в местной администрации. Сейчас ситуация изменилась, а тогда попасть на территорию неконтактных племен можно было только по спецразрешению. Там неоднократно погибали миссионеры, журналисты, туристы, индонезийские военные (часть острова принадлежит Индонезии). И ты, оправляясь в непроходимые джунгли, должен был принять все риски, вплоть до того, что тебя убьют.

У нас было огромное долбленое каноэ с моторчиком, взяли его в последнем более-менее цивилизованном населенном пункте. На нем мы поднимались вверх по большой реке. С каждым днем деревни становились все более дикими, а люди – все более угрюмыми. Но нам нужны были переводчики, знатоки местных диалектов, мы находили их по пути. И постепенно наша лодка превратилась в своеобразный Ноев ковчег, в котором сидело по одному представителю каждого племени.

Когда мы добрались до деревни людей, живущих на деревьях, к нам выскочили местные воины, и я физически ощутил опасность: они были на грани срыва, как сильно возбужденные дикие животные. В итоге мы смогли договориться, и нам даже разрешили подняться в один из домиков. Там я увидел двух перепуганных женщин и таких же затравленных детей. В шоке они забились под стропила, и мы предпочли уйти, потому что пугали этих людей – своей белой кожей, одеждой, очками.

Через несколько лет люди на деревьях немного осмелели. Во время экспедиции по следам Миклухо-Маклая я снял уникальные кадры. У нас было с собой небольшое зеркальце, так вот в фильме есть момент, когда первобытная женщина впервые видит свое отражение, и на ее лице отражается целая гамма чувств.

Еще один мужчина решился подойти к нашей палатке. Его поразила застежка-молния: вот два куска ткани, а вот уже это целое полотно. Он просидел так несколько часов – просто открывая и закрывая застежку. Они ведь как живут: самодельные луки со стрелами да каменные топоры. Это было захватывающе – оказаться участником контактов с последними первобытными племенами на планете.

Я потом разговаривал об этом с моим другом – православным священником. Он сказал, ссылаясь на Библию, что, когда все-все племена на планете станут цивилизованными, настанет какой-то очень важный переворот в жизни земли. За последние 10 лет в мире почти не осталось неконтактных племен.

ЭКСПЕДИЦИЯ К ЛЕСНОМУ ДЬЯВОЛУ (ПО СЛЕДАМ АРСЕНЬЕВА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК)

1906—1907 годы Владимир Арсеньев провел в экспедициях по Уссурийскому краю, в ходе которых исследовал неизведанную прежде часть региона. Леонид Круглов повторил маршрут путешественника спустя ровно сто лет.

Книги Арсеньева я считаю одними из самых мощных книг о путешествиях. Там ведь еще и о мудрости, которую человек в них обретает, о контактах с неведомым, с тайгой, с людьми, живущими в этих суровых условиях. Его проводник Дерсу Узала – уникальный персонаж. В свое время Акира Куросава снял о нем художественный фильм, а мне хотелось сделать документальную версию, пройти все эти места, посмотреть, что с ними стало сейчас. У меня были проводники-нанайцы, и среди них свой Дерсу Узала, который показал нам потрясающие места, научил секретам охоты и рыбалки, выживанию в тайге.

Дальневосточная тайга – особенное место: там нужно вести себя совсем иначе, чем в любом другом лесу, даже сибирском. Потому что там живет хитрый и опасный хищник – амурский тигр. Нанайцы называют его лесным дьяволом и специально с ним встречи не ищут. А мы с ним сталкивались, и не раз.

Однажды оказались в засаде с группой тигроловов – это специалисты, которые надевают на животных радиоошейники, чтобы отслеживать потом их передвижение (если животное выходит за пределы охраняемой зоны, оно подвергается опасности). Мы провели с этими людьми много недель вместе и, наконец, смогли поймать сразу трех годовалых тигрят – такого вообще, насколько я знаю, на Дальнем Востоке ни с кем не случалось. Животных усыпили, а дальше на все у нас было 20 минут. Тигроловам нужно было сделать замеры, взять анализы,

надеть радиоошейники. Нам в этой нервной обстановке – снять сюжет для фильма. Все это время мы точно знали, что рядом, словно невидимка, бродит мама-тигрица.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ (ПО СЛЕДАМ НИКИТИНА В ИНДИЮ)

В XV веке Афанасий Никитин стал одним из первых европейцев, достигших Индии (за 30 лет до португальского мореплавателя Васко да Гамы). Круглов повторил путь тверского купца в 2008 году.

Индия похожа на многослойный пирог. Нужны мегаполисы и курорты? Пожалуйста, вот тебе цивилизация, развитая инфраструктура и туристические достопримечательности. Но стоит отъехать в приграничный район, где живы средневековые традиции – и ты оказываешься вообще в другой стране. Абсолютно нетуристической.

Мы вроде много знаем про цыган, они ведь везде живут, в России в том числе. Но все равно интересно иметь дело с первоисточником, а распространение цыган по всему миру пошло именно оттуда. И я как раз пытался установить контакт с кочевыми цыганами на самой границе Индии и Пакистана. Там со мной случилась такая история. Спустя дни ожиданий и поисков я наконец нашел большой караван, который растянулся на сотни метров. Настоящее царство в постоянном движении: множество людей, овцы, козы, верблюды с привязанными к спинам кроватками, в которых спят дети. Но как только я их догнал и достал камеру, в меня полетели камни.

Когда я просматривал кадры, увидел, что кидал их высокий сухопарый старик. Мои проводники сказали, что это цыганский барон, весь караван подчиняется ему, а значит, с ним мне и нужно подружиться.

Второй раз я догнал караван, когда он стоял на привале. Я смог подойти к барону и увидел, что он не здоров: неудачно спрыгнул с верблюда и вывихнул руку. Я был на машине, поэтому сразу предложил помощь и отвез его в ближайший поселок, где ему руку вправили. Так случай все изменил, и вечером мы уже вместе сидели у костра.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ПО СЛЕДАМ ЛАПТЕВА НА ТАЙМЫР)

В 1739—1741 годах Харитон Лаптев сделал первое географическое исследование и описание Таймыра. Он же составил и первую достаточно точную карту полуострова.

Это было мое первое серьезное соприкосновение с нашим Севером. Часть экспедиции так же, как и у Харитона Лаптева, проходила в зимнее время. Самым сложным оказались передвижения на оленях и собачьих упряжках: расстояния там огромные, а температура иногда опускалась до —50 градусов.

Важная для меня часть путешествия – контакты с нганасанами. Это северный народ, живущий в экстремальных условиях и некогда державший под контролем значительную часть Таймыра. У этого народа всегда были очень мощные шаманские традиции. Мне повезло подружиться со знаменитой семьей потомственных шаманов Нгамтусуо, также известных под русской фамилией Костеркины.

Запомнилась и удивительная находка: на одной из стоянок экспедиции Лаптева мы откопали большой сундук, набитый старинными замками, топорами и другими железными предметами. Не смогли они, видно, такую тяжесть тащить, вот и спрятали.

В той экспедиции мы впервые столкнулись очень близко, в прямом смысле нос к носу, с белым медведем.

С этим зверем были постоянные сложности. Мы высадились с ледокола и на лодках через льды добрались до восточного побережья Таймыра. Там разбили лагерь, а в окрестностях искали следы пребывания группы Лаптева. Медведи наведывались регулярно, один так

вообще все время крутился рядом, переворачивал наши лодки. Пытались отпугивать ракетницей – помогало ненадолго. Бывало, выходишь утром из палатки, а он рядом сидит, караулит.

САМАЯ СЛОЖНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ПО СЛЕДАМ ПЕРВОЙ РУССКОЙ КРУГОСВЕТКИ)

Первое русское кругосветное плавание состоялось в 1803—1806 годах. Команды Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского совершили ряд открытий в бассейне Тихого океана, разобравшись с последними «белыми пятнами» в его северной части. Леонид Круглов повторил легендарный маршрут за 13 месяцев: в 2012—2013 годах пересек на паруснике 3 океана и побывал в 32 портах мира.

Благодаря этой экспедиции я понял, что наша земля очень маленькая, ведь всего за год с небольшим мы смогли обогнуть на паруснике (со скоростью велосипедиста) весь земной шар.

В локальных экспедициях нет непреодолимых сложностей, по крайней мере в организационном плане. Проблемы носят чаще психологический характер: ты оказываешься в непривычных условиях, среди людей с совершенно другой логикой. Так что самой трудной в моей карьере путешественника оказалась именно кругосветка, она, кстати, и одобрялась на самом высоком уровне – президентом Медведевым.

Путешественники часто оказываются на острие международных политических событий. Государства конкурируют между собой: кто окажется первым в той или иной сфере. Наш парусник регулярно не пускали то туда, то сюда. Приходилось все время менять планы и график движения, было много нервозности. Так и не удалось попасть на Аляску, которая 150 лет назад была российской территорией.

Самым незабываемым в кругосветке для меня стала работа с парусами. Вы не представляете, что это такое, когда через океан идет барк «Седов» – один из самых больших учебных парусников в мире. Ты поднимаешься по мачтам на высоту, где паруса наполнены ветром, лежишь на них, как в огромных гамаках. А чтобы сделать лучшие кадры, забираешься по веревочной лестнице на самый-самый верх. А это 60 метров – высота 15-этажного дома! Дух захватывает от страха и невероятной красоты.

Автор Анастасия Шевцова / фото из архива героя

**«Кзаки не любят слово «свобода»
Создатель казачьего поп-арта Максим
Ильинов отвечает на самые популярные
запросы в «Яндексе» о казаках.**

Максим Ильинов – лидер казачьей рэп-группы «Атаманский дворец», создатель казачьего поп-арта, о нем накануне ЧМ-2018 сняли фильм британские телевизионщики с BBC. В общем, достаточно регалий, чтобы именно Максима мы попросили ответить на самые популярные запросы в «Яндексе» о казаках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.